

DEUTSCHE internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft

Nº28
2022

DEUTSCHE internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft

ISSN (Print) 2701-8369
ISSN (Online) 2701-8377

**Deutsche internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft**

...
Nº28 2022

Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft ist eine internationale Fachzeitschrift in deutscher, englischer und russischer Sprache.

Periodizität: 24 Ausgaben pro Jahr
Format - A4

Alle Artikel werden überprüft.
Freier Zugang zur elektronischen Version des
Journals

**German International Journal
of Modern Science**

...
Nº28 2022

German International Journal of Modern Science is an international, German/English/Russian/Ukrainian language, peer-reviewed journal.

Periodicity: 24 issues per year
Format - A4

All articles are reviewed.
Free access to the electronic version of journal.

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Miroslaw Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Eleonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Miroslaw Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Eleonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

Artmedia24

Anschrift: Industriestraße 8,74589 Satteldorf Deutschland.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Chefredakteur: Reinhardt Roth

Druck: Einzelfirma Artmedia24, Industriestraße 8,74589 Satteldorf Deutschland

Die Hersteller der Zeitschrift sind nicht verantwortlich für die in der Zeitschrift veröffentlichten Materialien.

Die Autoren sind für die Richtigkeit der im Artikel enthaltenen Informationen verantwortlich. Die Meinung der Hersteller spielt möglicherweise nicht die Ansichten des Autoren wieder.

Bei Nachdruck ist ein Verweis auf der Zeitschrift erforderlich. Materialien werden in der Ausgabe des Autoren veröffentlicht.

Artmedia24

Address: Industriestrasse 8,74589 Satteldorf Germany.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Editor in chief: Reinhardt Roth

Printing: Artmedia24, Industriestrasse 8,74589 Satteldorf Germany.

Editorial board of journal is not responsible for the materials published there.

Authors are responsible for the accuracy of articles contained information.

Opinion of editorial board may not coincide with the opinion of authors published materials.

In case of materials reprinting - link to journal is required.

Materials are publishing in native author's edition.

Edition: № 28/2022 (February) – 28th

Passed in press in February 2022

Printed in February, 2022

Printing: Artmedia 24, Industriestrasse 8,
74589 Satteldorf, Germany.

© Artmedia24

© Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft / German International Journal of Modern Science

CONTENT

CULTURAL SCIENCES

Kurbakova M.

AESTHETICAL ANALYSIS OF A LITERARY WORK 4

ECONOMIC SCIENCES

Juraev Z.

FDI TRENDS IN FERGANA ECONOMIC REGION 8

Dyusembayeva L.

ANALYSIS OF THE STATE OF INNOVATION ACTIVITY
OF SMALL BUSINESSES IN THE REPUBLIC OF
KAZAKHSTAN 13

HISTORICAL SCIENCES

Mukhamedov R., Pashkin A.

KOMSOMOL ORGANIZATION OF THE ULYANOVSK
REGION: HISTORICAL ASPECT 16

JURISPRUDENCE

Nikanorov A.

INSTITUTE OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE
IN THE RUSSIAN AND AMERICAN LEGAL SYSTEM 19

MEDICAL SCIENCES

**Mirkhaydarov R., Valishin D., Kildebekova R.,
Iskhakov E.**

IMMUNE AND CYTOKINE STATUS OF PATIENTS WITH
HCV-ASSOCIATED LIVER CIRROSIS 22

PEDAGOGICAL SCIENCES

Djumaev M.

MATHEMATICAL REGULARITY AND DEVELOPMENT
OF CREATIVE THINKING OF STUDENTS 26

Mulikova S., Abdakimova M.

LIFELONG EDUCATION AT THE UNIVERSITY:
EXPERIENCE AND PROBLEMS 28

PHILOLOGICAL SCIENCES

Shestakova E.

THE THEME OF CHILDHOOD AND THE «NATIVE
WORD» IN THE COLLECTION «NATIVE» BY I.S.
SHMELEV 32

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Eftiti E., Almazova L.

THE ROLE OF THE FAMILY IN EDUCATION OF THE
CHILD DURING THE ADOLESCENT PERIOD 34

SOCIAL SCIENCES

Firsov M., Chernikova A.

A PERSON IN NEED: FROM ROMAN SOCIETY TILL
NOWADAYS 41

TECHNICAL SCIENCES

Ulzutueva T.

COMPARATIVE ANALYSIS OF TECHNOLOGICAL
PROCESSES AND STABILITY OF THERMAL TRANSFER
PRINTING METHOD IMPRESSIONS 44

CULTURAL SCIENCES

AESTHETICAL ANALYSIS OF A LITERARY WORK

Kurbakova M.

PhD, Docent

Foreign Languages Chair

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia

107023, Bolshaya Semenovskaya 38

Researcher ID AAI-2014-2020

ORCID ID 0000-0002-1173-9216

Abstract

Analyzing a literary work is often associated with a search for reminiscences in the result of creative process. Different methods and approaches do not always lead to new sufficient conclusions. In our opinion, the approach through the consideration of the aesthetic worlds reveals a different side of the study. Modern strategies of art analysis open up many new things in the knowledge of the artistic and aesthetic process. Our method involves shifting the perspective to the relationship between idea and form in a literary work, the question of the aesthetic basis, the object of beauty and the philosophical basic postulates in each of them. Consideration of the use of artistic means required to reflect these ideas. It is necessary to pay special attention to the personality of the author: psychoanalysis in the work is focused on the psychology of the author, initiating creativity and realized in the images of art. The conclusion lists the components that will be taken into account in the analysis of a particular work and in comparative studies, regardless of the literary period in which the work was written. Good results are expected in the analysis of modern literary works, unusual in idea or form, and in the comparative analysis of works whose similarity is difficult to determine or weak. The results of the study can be used in lectures and practical classes, seminars in high school on literature or literary studies.

Keywords: aesthetic world of a literary work, the category of beauty, catharsis, repetitiveness of art, homage, aesthetic modifications.

Everyone knows that it is the individual style of the artist that forms the structure, and sometimes the idea of the work, reflects the personal characteristics of the author and, as a result, creates the artistic world of creativity. The works analyzed from the point of view of the originality of their artistic world discover new facets and aesthetic features, thus determining the position of the work within the aesthetic framework of the analysis. Of course, it is not easy to determine the scope of this analysis, because "the humanitarian study of a work of art always faces the problem of the limits of the application of scientific rationality, given by the artistic and aesthetic phenomenon" [Kudrin 2008].

However, we will make another attempt. The aim of the work is to identify the aesthetic potential of the work as a process, as an object of perception for a recipient, as a special form, emotional and suggestive message, going from the creator to his viewer. The study is based on methods of analysis, synthesis of conclusions of previous studies, comparative-historical method, a continuous selection of literary works of different eras and critical works, research on the theory of aesthetics in art in general, especially in the last decade.

The formation of the concept of "aesthetic properties" was completed in the early seventeenth century with the advent of "fine arts" definition aimed at creating beauty; and the process was carried out within the framework of aesthetic theory. Since then, discussions about the essence and boundaries of aesthetics, the values of aesthetics and art, their similarities and differ-

ences have been continued. In particular, the controversy over the relationship between the "artistic" and the "aesthetic" has a 60-years history.

According to Yury Lotman, "fiction speaks a special language, which is superimposed on natural language as a secondary system" [Lotman 1970: 30], the function of language is aesthetic, and the presence of catharsis indicates a successful combination of semantic and aesthetic components literary work. In this case, the author does not deviate from the classical definition of Aristotle that "the highest manifestation of aesthetic pleasure in a literary work is catharsis." The presence or absence of this effect allows us to realistically judge the artistic and aesthetic components of the work.

In 1958, G.A.Nedoshivin proposed the formula that "the artistic is the highest manifestation, the concentration of the aesthetic." [Lebedev 2016: 54] G.N. Pospelov argued that "the aesthetic is present in art to the same extent as in other phenomena, and the essence of the artistic should be seen in the ideological content of art." A number of researchers distinguish between the concepts of art and aesthetics (M.S. Kagan, A. Natev, L.N. Stolovich, etc.). The concept of "aesthetic" is the foundation of "artistic", its necessary basis. As noted by L.N. Kogan: "Losing the aesthetic moment, artistic activity ceases to be so." [Glotov 1999: 27]

In the original language "artistic" adjective from the noun "art", also in German from Kunst - art. The creation of works of art, its message and perception takes place only within the framework of artistic processes. This was noticed by A.F.Losev [Losev, Shestakov 1965: 87]. It is traditionally accepted to analyze a

work as a result, as a fait accompli, without taking into account the process of its creation.

Much later M.B.Glotov in his work "Aesthetic and Artistic" mentions a number of experts who believe that "in a work of art, the aesthetic is present both in its form and in its content through the reflection of real objects" [Glotov 1999: 28]. Long ago this difference between aesthetic and artistic was pointed out by Nikolay Chernyshevsky.

A.N. Vysotskaya and V.V. Amosova in their work "Aesthetic subject in art and art education" believe that "artistic value is the core of aesthetic value. Therefore, artistic value is a specific type of aesthetic value. Artistic value is the beauty of a work of art" [Vysotskaya, Amosova 2012: 103]. Thus, art as a work of artistic activity is formed in the "field" of aesthetic value, and artistic value is the core, the center of this "field" [Vysotskaya, Amosova 2012: 104].

A.G.Kudrin in the article "Artwork and aesthetic event" [Kudrin 2008] considers the work not as a static result of creativity, but as an artistic process of a creative act, allowing to understand more about its mobility and the aesthetics of the work as a result of this action. The author considers the process of creating a work through ontology - the energies of being and consciousness.

As a result, despite such pluralism of opinions, each of them must be taken into account, as they are supported by numerous studies and multifaceted analysis of the topic. It should be borne in mind that all the above concepts are not strict individual forms, but communicating vessels that enrich each other.

Created by the author, the artistic and aesthetic expands the scope of the real or fictional world of the work, but the distance between the author and the reader is minimized. This is how the artistic word works, changing space and time. In addition, all kinds of art inevitably affect the emotional sphere of a recipient, as they themselves transmit these emotions. All these aesthetic functions create a situation of perception of the work of art, not amenable to strict logical analysis. However, some structuring is still possible; in the flow of associations, sensations and experiences, it is possible to identify the components of the aesthetic world of the work of art.

Why do we consider this approach effective? The starting point here is that the development of art in terms of content reached its peak in the 20-60s of the 20th century. It became difficult to invent something fundamentally new in content. In this aspect, Malevich's "Black Square" is already a reflection of emptiness, which comes after a certain feeling, above all other meanings embedded in it, something non-material. It is fear and emptiness in the unwillingness to transform in the state of misunderstanding of the future (what are such trials for?!), unpreparedness, a kind of "stuck" in the situation. In Malevich's sketches, the image of the "black square" first appeared, which first meant the victory of art over nature, and the black square appeared instead of the solar circle.

In 1920, Georg Gross and John Hartfill wrote on a poster: "Art is dead. Long live Tatlin's new machine art!" [Kotlomanov 2017]. Society is still experiencing

futuroshock, which is also a sign of a change of eras, when the previous stage is collapsing, this stage is still going on. And the secondary nature of art is now a fact that has no negative note, not the first stage of the inevitable cyclical process, which some artists call the withering of civilization, which, however, is also inevitable stage of rebirth. At this stage, there may be a repetition of meanings, homage or reminiscence, and when the idea of a work of art is repetitive or not the only important one, the approach from the aesthetical point of view can emphasize or many important nuances.

Mikhail Bakhtin once noted that "the aesthetic fully realizes itself only in art", and "therefore aesthetics should focus on art" [Bakhtin 1990: 547]. Thus, aesthetics is inextricably linked with art and in a sense may initially be a measure of its artistic value.

Initially, the classical embodiment of aesthetics inevitably gave rise to a work of art. The first requirement for a work of art, the scope of which is not limited to a very short period, is its universal basis. This is the suggestive power of works of art, their psychotherapeutic effect [Kurbakova 2016: 137-145]; and its classical features: form, systematics, artistic and expressive means, the ultimate meaning of which is to achieve suggestion within the work and the opportunity to experience fantasy, fiction as reality.

It is also difficult not to take into account what Bakhtin noted in relation not only to space and time, but also to the events in the work, which in its own way is infinite, not fully designed and possibly not realized. The fact is that the aesthetic, in Bakhtin's opinion, cannot be eventful at all levels [Bakhtin 1990: 547]. In order for a work of art to become artistic, a "position of alienation" from the hero and the artistic world is necessary, with which only an aesthetic vision is possible as the completion and design of the integrity of the work. [Kudrin 2008]. At one time, this idea was only Bakhtin's private opinion, but the idea only took root over time.

We are well aware that in a work of art the aesthetic is reflected both in its form and in its content through the reflection of real objects. Let us first determine whether the concepts of artistic and aesthetic are equivalent. At the moment, opinions about this equivalence differ: some researchers consider these concepts to be identical, others do not think so [Glotov 1999: 27-28]. This difference between aesthetic and artistic was once pointed out by N.G. Chernyshevsky, declaring that to paint a beautiful face and to paint a face beautifully are not the same thing [Chernyshevsky 1958: 51]. In the first case there will be a copy of a beautiful face, in the second - a work of art. At the same time, if the content of a work of art could reflect the most diverse aspects of the aesthetic, then only one aspect should be manifested in the form - beauty. We will not consider the concepts of artistic and beautiful to be identical or different, but the fact that the aesthetic is part of the artistic process and its static result. This, in our opinion, is a form of refraction of aesthetics in art, but in life it can be found everywhere in its natural manifestation. This is another way of its existence.

The process of transformation of form and content and their relationship in the work, which arose on average 100 years ago, continues. Emerging new forms of embodiment of beauty push, first of all, to the analysis of the artistic manner and style, the alloy of form and content. The study, analysis of the writer's style in a different way reveals the type of his artistic thinking as an artist, how individually he embodies the artistic method, the typology of a given artistic direction, currents, history of his nation and cultural traditions that inevitably lay the foundation of his work.

One writer will reflect his ideal vividly expressively and metaphorically; the other one will reflect the world as realistically as possible, subtly and through plastic forms; the third one will create phantasmagoria on the verge of delirium, in this case there will be most fiction, and the set of artistic means may be scarce. So, first of all, we should look at the nature of the reflection of content and form in the work, their relationship and the degree of fiction. This is the style and, of course, it is explained by the creative worldview of the writer. This aspect of the analysis of creativity will be more complete if we analyze in what conditions and views the author formed, perhaps, for what reasons the work happened, which is often a very interesting question.

"Artistic manner, although it bears the imprint of the author's worldview, characterizes primarily individual, clearly expressed aspects of originality, associated with individual means, techniques of artistic processing of the material" [Ethics 2015].

The social aspect is also a component of the aesthetic world, as it creates a social reality with significance, sometimes new: "Art creates a new reality, which, on the one hand, materializes, objectifies the reflection of the world in the artist's mind and his spiritual world" [Vinogradova, Tukaeva 2017: 201].

Here the degree of cognition and truthfulness matters, that is, the reflective-informational aspect, the richness of the spiritual world expressed in it (psychological aspect). "Psychoanalysis focuses on the author's psychology, which initiates creativity and is realized in images of art." [Kudrin 2008] Therefore, the analysis of the writer's personality and features of his biography forms a special angular of perception and understanding of his work.

Comparing the form and content, then we consider the means that determine the manner of reflection of the material - the composition and its elements; system of characters (images), pictorial and expressive means. We take into account the fact that all three of these components of the work within the framework of a creativity are often characteristic or favorite device; and the compositional structure acquires its compositional integrity through an individual approach to the means of expression.

Each master of the word creates his own special "language" of art, without which a work of art is impossible. "The artist's reflection of objective reality and his expression of subjective reality can become public property only when it is embodied in a certain system of artistic means, playing the role of peculiar signs that form the" language "of art." [Lotman 1970: 30] Language reflects creative skill: novelty, original creative

approach. According to Y.M. Lotman, "fiction speaks a special language that builds on natural language as a secondary system" [Lotman 1970: 30], and this second created language is the language of aesthetics.

However, do the notions of aesthetics and works of art used by us mean that aesthetics has in mind the object of its evaluation only initially and without a doubt the aesthetic? A simple analysis leads to the conclusion that a genuine work of art "aestheticizes non-aesthetic values as well," revealing their aesthetic potential. S.H. Rappoport convincingly showed how aesthetic evaluations relate to non-aesthetic ones in a work of art: "art evaluates philosophical, political and other ideas, any ideals, and with them the objects considered in the light of these ideas." According to him, "art necessarily conducts its assessments in aesthetic terms" [Ethics. Aesthetics 2 1999]. M.M. Bakhtin at one time also noted that "the aesthetic object includes all the values of the world, but with a certain aesthetic factor" [Bakhtin 1979: 165]. One of the brightest examples here is that the representatives of Russian aesthetic thought Dobrolyubov, Belinsky, Chernyshevsky, Nekrasov aestheticized the idea of nationality and ideology, seeing the purpose of art in serving the people via the idea. Here is a zone of expansion of the concept of aesthetics and the aesthetic world in comparison with the fact that man is accustomed to instantly in consciousness to associate with aesthetics.

Thus, on the basis of the conducted analysis we come to the following conclusions: aesthetics of a work or its aesthetic world includes all components both contents, and forms; it is important, first of all, to take into account the relationship between content and form, their balance, the positivity of which will be indicated by the catharsis caused in the perception of the recipient; the aesthetics of the work can be different, not pleasant for everyone, and to some extent to aestheticize the non-aesthetic, it is also important to immediately determine the aesthetic modification of the work; speaking of the nature of the aesthetic world created by the artist, it is impossible not to take into account his psychology, as well as the philosophical views he shares; social and political ideas in the work also create its special aesthetics, as the aesthetics of a certain historical period differs from the previous and subsequent, because like a sponge absorbs the processes occurring in society at the current moment.

References:

1. Asratyan Z.D. Aesthetic information of the literary text and its conceptualizing role. Science of the person: Humanitarian researches. № 3, 2016.
2. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M.: Iskusstvo, 1979. - 424 p. - (From the history of Soviet aesthetics and art theory).
3. Bakhtin, M.M. Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. - 2nd ed. - M.: Art lit., 1990. - 543 p.
4. Belik A.P. Aesthetics and modernity. M., 1963.
5. Borev, Y.B. Aesthetics.Y.B. Borev. - M.: "Higher School". - 511 p.

6. Bychkov V.V. Aesthetics. - M .: Gardariki, 2005.
7. Chernyshevsky N.G. Aesthetics. Goslitizdat, M. 1958.
8. Ethics. Aesthetics. 1 URL: //stud-books.net/61129/etika_i_estetika/esteticheskij_potentsial_tvorchestva (access date: 03.05.2021)
9. Ethics. Aesthetics. 2 URL: pravo.studio/etika-estetika/aspekti-hudojestvennogo-proizvedeniya-78970.html (access date: 03.05.2021)
10. Glotov M.B. Aesthetic and artistic. Series "Symposium", Aesthetics today: state, prospects. , Issue 1. Proceedings of the scientific conference. October 20-21, 1999. Abstracts of reports and speeches St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 1999. pp.27-29.
11. Hegel's Lectures on aesthetics: in 2 vols. St. Petersburg, 1999. vol. 2.
12. Heidegger, M. The source of artistic creation. Works and reflections of different years. M. Heidegger. M., 1993.
13. Ingarden R. Research on aesthetics - M., 1962.
14. Kagan M.S. Aesthetics as a philosophical science. - St. Petersburg, 1997.
15. Kant I. Essays. Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences, vol. 5, 1966.
16. Kiyashchenko N.I. Aesthetics is a philosophical science. - M .: «Williams», 2005. - p. 592.
17. Kotlomanov A.O. "Machine art" and the effectiveness of modernism ".Scientific conference MONUMENTALITÀ & MODERNITÀ. S.-P., 2017. URL: http://aaaunion.ru/monumentalita-modernita/m-m-2017/mashinnoe-iskusstvo (access date: 03.05.2021)
18. Kudrin A.G. A work of art and an aesthetic event. Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Philosophy. Philology". 2008. № 1. URL: cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-proizvedenie-i-esteticheskoe-sobytie (access date: 03.05.2021)
19. Kurbakova M.A. Modern application of Dr. Lozanov's psychotherapeutic method. Language and culture. № 3. Tomsk, 2016.
20. Lebedev, V.Yu. Aesthetics: a textbook for bachelors. V.Yu. Lebedev, A.M. Prilutsky. - M .: Urte Publishing, 2016. 424 p.
21. Losev A.F. History of ancient aesthetics. T. 1-8. M., 1963—1994. Aesthetics of the Renaissance. M., 1978. Early Hellenism. Early Classics. M: 1963.
22. Losev A.F., Shestakov V.P. History of aesthetic categories. M., 1965.
23. Lotman, Yu.M. The structure of the art test. Yu.M. Lotman. M .: Art, 1970. 383 p.
24. Migunov, A.S. Anti-aesthetics. A.S. Migunov. Questions of philosophy. № 7-8. 1994. pp. 82-88.
25. Ortega-y-Gasset, H. Dehumanization of art. H. Ortega-y-Gasset [et al.] Self-awareness of European culture of the twentieth century: Thinkers and writers of the West about the place of culture in modern. obve. M . Politizdat, 1991. pp. 230-267.
26. Prozersky, V.V. A critical essay on the history of emotivism. V.V. Prozersky. M .: Искусство, 1983.-173 p.
27. Rank O. Aesthetics and psychology of artistic creativity. The myth of the birth of a hero. M., 1997, pp.117-132.
28. Schiller F. Articles on Aesthetics. M.-L., Academia. 1935
29. Shestakov V.P. Essays on the history of aesthetics. From Socrates to Hegel. - M .: Mysl, 1979. 372 p.
30. Vysotskaya A.N., Amosova V.V. "Aesthetic subject in art and art education". Textbook. Vladimir, 2012.

ECONOMIC SCIENCES

FDI TRENDS IN FERGANA ECONOMIC REGION

Juraev Z.

*Ph.D. student in Geography
Chonnam National University
Graduate School of Social Sciences*

Abstract

This study focuses on the spatial dimensions of foreign direct investment in the Fergana economic region (Uzbekistan). The study examines the inflow of foreign direct investment and its sectoral impact in the Fergana economic region. The sectoral and regional impact of FDI was discussed. At the same time, the investment attractiveness of the region was emphasized, and recommendations were made on the prospects for development through foreign investment. In this paper, we studied the auto industry and cluster system in the region and analyzed its investment attractiveness. The importance of the auto industry and the cluster system was highlighted. Finally, we summarized all the findings of the study, including scientific and practical recommendations on regional issues of foreign direct investment.

Keywords: investments, sectoral, regional, industry, geography, cluster

1. Introduction

The set of economic, political, regulatory, and social opportunities plays a key role in attracting foreign investment. Such opportunities include the following factors: natural conditions, mineral reserves, working capacity and average wages, domestic and foreign market opportunities, the provision of benefits for foreign capital, and more. One of the key factors in the gradual implementation of structural changes in Uzbekistan is the inflow of foreign direct investment (FDI) into the economy. Many studies have shown that Uzbekistan has received less foreign investment than other CIS countries since its independence. However, there is no detailed study of the historical and spatial dimensions of foreign investment in the Fergana economic region in recent years. Therefore, this study aimed to examine the inflow of foreign investment in the economic region.

2. Materials and Methods

Geographical comparison, historical, regional analysis, and statistical methods are used in this work. Information on the topic of the study is obtained from the State Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan, territorial departments of the Ministry of Foreign Economic Relations of the Republic of Uzbekistan in the Fergana economic region, and the international official data.

In the form of a case study, attention was paid to the use of foreign direct investment in the development

of the Fergana economic region. Among the factors determining the investment attractiveness of the region, the economic development and the specifics of investment activity were analyzed, and relevant recommendations were shared.

2.1.Theoretical background

Ietto-Gillies Grazia (2012) preceded *Stephen Heimer's theory* of direct investment in the 1960s on the causes of foreign direct investment and multinational corporations to macroeconomic principles explained by the based neoclassical economy.¹

Kojima and Osawa (1984) have tried to create a model to explain both international trade and foreign direct investment.² According to theories, new theories of international trade still cannot explain other forms of foreign and international investment (Hosseini 2005).³ At all times, local firms will have a better understanding of the local economic environment, and two necessary conditions will be put forward for foreign direct investment to take place. 1) Foreign firms must have certain advantages that allow them to implement such investments. 2) The market for these benefits must be imperfect (Kindleberger, 1969).⁴

Froot and Sterin, (1991)⁵, *Hartman*, (1984)⁶, *Blonigen*, (2005)⁷ studied the benefits of agglomeration based on empirical theories, the relationship between FDI location selection, and spatial trends. The conclusion of the theoretical views in this regard is that foreign direct investment not only affects the capital of the

¹ Ietto-Gillies, Grazia (2012). Transnational corporations and international production: Concepts, theories, and effects. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar.

² Kojima, K., Osawa, T., 1984, "Micro and macro-economic models of foreign direct investment". Hitotsubashi Journal of Economics

³ Hosseini H., 2005, "An economic theory of FDI: A behavioural economics and historical approach", The Journal of Socioeconomics, 34, pp.530-531.

⁴ Kindleberger, C.P., 1969 The Theory of Direct Investment. In: Kindleberger, C., Ed., American Business Abroad, Yale University Press, New Haven.

⁵ Froot, Kenneth A, and Jeremy C Stein. 1991. "Exchange Rates and Foreign Direct Investment: An Imperfect Capital Markets Approach." Quarterly Journal of Economics 106 (Nov.): pp.191-217.

⁶ Hartman, David G., 1984,"Tax Policy and Foreign Direct Investment in the United States." National Tax Journal, Vol. 37, No. 4, pp. 475-487.

⁷ Blonigen, Bruce A., 2005, A Review of the Empirical Literature on FDI Determinants, Atlantic Economic Journal volume 33, pp.383–403

host country but also seeks to enter new markets, acquire the latest technologies and practices (Booth, Köninger, and Nunnenkamp, 2010).⁸

Scientists from Uzbekistan have studied the location and development of industries as well as attracting foreign direct investment (FDI). The following scientists were engaged in the placement and development of productive forces in Uzbekistan. The theoretical foundations of incoming foreign investment, the role of foreign investment in some areas, the activities of enterprises with foreign investment were studied by *Ubaydullaeva* (2004). She conducted a study to assess the effectiveness of the public policy on inbound FDI in Uzbekistan, and their use. This study provides an example of foreign experience in attracting foreign investment. She also cited some research on the geography of joint ventures.⁹

3. Results and Discussion

3.1. FDI trends in the region

The economic region is in the Fergana Valley (Figure 1). In this region oil, gas, sulfur, tin, gold, refractory clay, various building materials, and healing waters were found, and agriculture, trade, and handi-

crafts succeeded. The Fergana economic region is administratively composed of Andijan, Namangan, and Fergana provinces and is surrounded by mountains on all sides. The region has Kuvasay, Fergana, Andijan, and Namangan fuel and energy complexes, Shahrikhan, Namangansay hydropower plants, and Turakurgan thermal power plants.¹⁰ Asaka, Kokand, Namangan and Fergana are major centers of machinery. There is a building materials industry, cement plant, house-building plants, reinforced concrete plants in Andijan, Fergana, Kokand, and Kuvasoy areas. The light and food industries are the main areas of specialization. Major exports: cars, cotton fiber and oil, dried fruits, canned food, cotton, cement, ceramic, and other products.¹¹ Thus, this paper examines the distribution of the FDI inbound and its impact on the economy of this region. Since 1992, the FDI inbound has been directed to this region, but due to limited data, it is not possible to make a concrete analysis of its exact amount and sectoral distribution. Nevertheless, we examine the spatial dimensions of FDI in this region based on the available data (Table 1). According to official statistics in Uzbekistan, in 2017-2020, almost \$1.5B the FDI inwards invested to this region.¹²

Figure 1. Map of Fergana economic region

Source: CC BY-SA

The government of Uzbekistan developed several measures to ensure the stability of the region's economy. One of them was "the Development Program" for the Fergana economic region in 2011-2015. Under that program", the FDI inbound - \$220.7 million directed to the automotive industry and \$220.1 million was invested in the light industry including \$208.1 million

FDI and loans (94.5%). According to official sources, the existing enterprises in Andijan, Fergana, and Namangan provinces have been technically and technologically modernized by FDI inwards. In addition, the sectoral distribution of the FDI and loans was also sufficiently implemented (Table 1).

⁸Booth, M., Königer, J., & Nunnenkamp, P., 2010. FDI promotion through bilateral investment treaties: more than a bit? *Review of World Economics*, 146(1), 147-177

⁹ Ubaydullaeva S.F., 2004, Political aspects of attracting foreign investment to Uzbekistan. Dissertation, Tashkent institute of Finance, p-18. (In Uzbek)

¹⁰This thermal power plant established in the cooperation Uzbekistan-Japan.

¹¹www.geografiya.uz

¹²www.stat.uz

Table 1.

Distribution of FDI and loans in the region (2016-2019)

Sectors:	FDI and loans by million US dollars			
	2016	2017	2018	2019
Energy	1210.84	2664.36	991.5	2347.9
Agriculture	150.82	33.66	22.8	171.0
Foreign economic relations and FEZ	194.3	320.72	595.5	1507.0
Information technology (IT)	275.36	238.55	46.0	97.2
Territories and communication development	59.98	79.85	136.3	313.6
Finance	156.47	0	0	26.5
Total: (\$B)	2,047.77	3,337.14	1,792.1	4,463.2

Source: www.mift.uz

Table 1 shows that the FDI and loan involvement has been high in the energy sector during the observed period. Foreign economic relations and free economic zones (FEZ) in 2019 were higher than in 2018 in terms of FDI and loan involvement from the energy sector.

Fergana province

The main investor countries to this province are Russia, South Korea, Turkey, and China. However, until 1998, only 2 enterprises were established in cooperation with foreign investors. Currently, there are 446 such enterprises. Besides, Kokand ethyl alcohol and Andijan-Biochemistry Open Joint Stock Companies have been modernized the technology with a \$ 6.2 million FDI.¹³ The Uzbek-South Korean joint venture Fergana-Turon-Textile was launched in December 2012. Here, cotton fiber products are exported to the domestic market and dozens of developed countries. Since 2014, The Uz-Sungwoo joint venture will supply 120,000 sets of spare parts for cars or \$ 83 million a year to the automobile plant in the Andijan region.

In 2015-2018, a new regional investment program for the development of the region has been developed, consisting of 643 projects worth almost 2.5 billion dollars. The program inward bound \$ 2.5 billion in FDI and created more than 31,000 new jobs. The Transparent Successful Industry in Uchkuprik district can produce 350,000 gas cylinders a year for cars produced at a total investment of \$ 30 million, as well as equipment for freight power plants, mini-tractors, and agricultural machinery by 2020. For example, a project worth \$ 200 million was implemented at "the Fergana Yasin Construction LTD" enterprise in the Besharik district, which produced about 1 million tons a year. In 2018-2020, many joint ventures were established in different districts and producing lots of goods.¹⁴ In 2020, Indorama Textile joint venture was established by Singaporean investors. The company has invested \$55 million at a "zero" cost. High-quality yarn is produced from cotton fiber. The company uses modern machinery, equipment, and technologies imported from Switzerland and Japan. It has a production capacity of up to

7,000 tons of quality yarn per year. Exporting countries: Spain, Belgium, France, Italy, Brazil, Argentina, Venezuela, Peru, Dominican Republic, Bangladesh.¹⁵

Andijan province

The main investor countries are South Korea, China, and other Asian countries. During the years of independence, industrial production increased thanks to the FDI inwards. Andijan province rose from 11th place in 1991 to 6th place in 2010 within Uzbekistan. In 2015-2020, the number of enterprises with FDI in the region increased from 47 to 108. The volume of production reached 1.1 trillion UZS, and the number of employees in this sector reached 22.4 thousand people. Andijan province has developed an investment program for 2018-2020, consisting of 908 projects worth 25 trillion 181 billion UZS (about \$2.3B)¹⁶ including \$1.7B the FDI inbound, and created more than 35,000 jobs.¹⁷

Namangan province

The main direction of FDI flow is the light industry which contains 16 large and 49 small enterprises, 195 micro-firms, 55 subsidiary farms, and about 1,100 family farms. 15 large and 11 small joint ventures have been established in cooperation with Turkey, South Korea, the US, Singapore, and China.¹⁸ Investments in the light industry in 2006-2011 amounted to 148.7 billion UZS. The share of FDI is 41.2%. By 2011, the volume of light industry production in the region increased 2.2 times. A total of 56 investment projects were implemented in this industry in 2011~2015. Unfortunately, the use of investments is not the same in all joint ventures (according to observers). For example, Namangan Textile was sold to HAIN TEX Co. LTD. in 2006 under a \$ 32.24 million investment plan. However, the investment by the Korean company HAIN TEX in the first 4 years was only 40%. The reason is that after the global financial crisis, Korean banks have limited foreign lending to the sector. But in 2017-2020, more than 1,400 investment projects worth \$ 2.8 billion including 1.1 billion dollars have been implemented. These projects have created 39,000 permanent jobs.¹⁹

¹³ <http://farstat.uz/uz/rofficial-statistics / fixed-capital-investments>

¹⁴ in Dangara district – "Bur sol shoe", in Toshlok district – "Textile delivery", in Kokand city "Bulut-textile". Also, a joint venture named "Ziyorat Palace" with Chinese investment has been launched in Fergana city for tourism. Children's shoes are made at the "Imono Group" joint venture in Kokand city. "Seong-chang Benefica" Co.Ltd. is a manufacturer of kitchen appliances. "SEL Air Conditioning" Co.Ltd.

is a manufacturer of air conditioners and heating appliances for homes. "Gummyeong Industry" – plastic products and "Micro Corporation" is a manufacturer of ready-made textiles and bedding.

¹⁵ www.stat.uz

¹⁶ This amount consists domestic investment, FDI, and loans.

¹⁷ <http://andstat.uz/>

¹⁸ [www.namstat.uz](http://namstat.uz)

¹⁹ [www.invest.gov.uz](http://invest.gov.uz)

To conclude, all three provinces experienced an uneven distribution in the period up to 2017 in terms of investment attraction. The above analysis shows that the territorial distribution of the FDI and its impact on development also depends on the investment attractiveness of the region. Investment attractiveness is affected by ongoing reforms and investment policy. Investment activity, environment, potential, and attractiveness are important for the sustainable development of the Fergana economic region. The main directions of increasing the investment attractiveness of the region can be described as follows:

a) Privatization of industrial and agricultural processing enterprises.

b) Effective use of the region's potential and advantages in the cultivation and processing of high-quality fruits and vegetables.

c) The FDI inward referrals to specific facilities and sectors using the experience of concluding international investment agreements.

Since 2017, the importance of the investment climate in the region has come to the fore. As a result of new reforms carried out by the new government of Uzbekistan, the situation has improved. In the economic region, Fergana province has been leading the FDI inwards thanks to its industry is more diversified: the oil refining, chemical, building materials industries, and production infrastructure are highly developed. Cooperation with various cities or states of developed countries has been expanded to give the Fergana economic region a place in the international capital market. As a result, the inflow of foreign direct investment has increased significantly.

3.2. Automotive industry and clusters really matter

As above mentioned, the only automobile plant is located in the Fergana economic region. This section examines the automotive industry and clusters in the region. UZ-Auto-Motors (1996-2008 Uz-Daewoo-Auto; 2008-2019 GM-Uzbekistan) is a joint venture between South Korea's Daewoo and Uzbekistan's Uz-Avto-Sanoat (Auto Industry).²⁰ This car plant is in Asaka city of Andijan province.

In 1993, the automobile plant was officially registered. It has been operating since 1996. The plant has a production capacity of 250,000 cars a year. After Uzbekistan bought a 50% stake of Daewoo in 2005, UZ-DAEWOO was replaced by "GM Uzbekistan" in 2008 by "General Motors" (USA) and "UZ Auto Industry". The program of localization of spare parts and raw materials supplied to the "GM-Uzbekistan" Automobile Plant has been implemented.²¹ Then several enterprises specialized as a cluster in the Fergana economic region: "Electro-Mash" in Kokand city, "Quartz" in Kuvasoy city, and "UZ Chazis" in Namangan city²². Within the framework of investment projects in 2011-2013, the

production of auto-components was organized in several areas: Kokand, Chust, and Andijan²³.

The development of the automotive industry has led to the development of metallurgy, chemistry, electronics, services, social infrastructure, and an increase in the number of qualified personnel. Through the automotive industry, Uzbekistan has made radical changes in the geography of production in the national and regional economies. In order to create favorable conditions, it is desirable for enterprises to be financially independent and to contractors in the automotive industry based on non-corrupt tenders. The development of the automotive industry can lead to regional development and a reduction in local disparities. Today, the automotive industry is the driver of enterprise growth within the automotive cluster.²⁴ The main goal of the automotive policy is to use the existing potential and become a driver of economic growth in Uzbekistan.

The conclusion is that making regional programs can provide an opportunity to reduce tensions at the regional levels of development. It also serves to accelerate the country's economy. A scientific and practical team should be formed to make such programs. The team should consist of representatives of regional investment departments, scientists, and successful enterprises. This will allow them to pre-analyze each new project. FDI should pave the way for the establishment of other automobile plants and related industries in the national automotive industry. As a result, cooperation between the regions of the country will be strengthened and form a developed economic system.

3.3. How does FDI impact on the region?

More than a hundred companies with the participation of FDI are successfully operating in the Fergana economic region. There are a total of 294 joint ventures in the Fergana economic region including 70 in Naman-gan, 108 in Andijan, and 116 in Fergana. The situation with FDI inbound in districts there differs dramatically in the development of the Fergana economic region. In the period before 2003 and after 2007, more tension was observed. However, the conclusion of the facts is a balance between the modernization and liberalization of the economy, which has been actively observed in the post-2000 period. It is also explained by the degree of diversification of the region's economy. The higher the level of diversification, the greater the opportunity and potential for inward FDI.

In the post-2007 period, the rates in the Fergana region differed significantly. Because in 2008 there was a global financial and economic crisis. There has been a sharpening in global capital markets. It is characterized by changes in the investment policy of potential investors and the government's sectoral policy aimed at developing sectors of the economy. According to official reports, in 2004 – 42.9% of the region's GDP was accounted for by Fergana, 35.0% by Andijan, and 22.1% by Namangan. In 2019, the average annual

²⁰ Wikipedia

²¹ There is no exact data about how much FDI was invested for this plant to be established.

²² www.mift.uz/noticeboard/

²³ <https://hozir.org/scientific-methodological-bases-of-attracting-foreign-investments.html> (In Uzbek language).

²⁴ Due to GM-Uzbekistan's monopoly, the entry of other car plants into the country is artificially "blocked". criticism, from many economists and the public, the situation has not changed.

growth rate of GDP was 104.4% in Andijan, 103.4% in Namangan, and 103.7% in Fergana.²⁵ There are imbalances in the levels and rates of socio-economic development of three provinces within the economic region. In 2010, 40.1% of the region's GRP was accounted for by Fergana, 36.1% by Andijan, and only 23.8% by Namangan. To conclude, the share of Fergana province in the region's GRP was high. However, in 2019, the growth rates were 105.8% in Fergana, 110.5% in Andijan, and 112.4% in Namangan.

In summary, foreign direct investment has helped increase production and exports in the economic region at the sectoral level of the Uzbek economy. At the same time, it has influenced the economic growth of the region through the transfer of new technologies, the formation of human resources, integration into world markets, enhanced competition, improvement, and reorganization of firms.

4. CONCLUSION

Inbound foreign direct investment is very useful in shaping and strengthening the national economy of Uzbekistan. The study of spatial patterns of FDI provides a scientific approach to the effective direction of investment flows and the rapid development of economic sectors in the regions and increase their economic efficiency. The paper examined the spatial dimensions of foreign direct investment in the Fergana economic region. According to the study, as Uzbekistan continues to diversify and modernize its regional economy, investment projects for the efficient use of natural and economic potential may not fully cover the Fergana economic region. This can be explained by the fact that during the years of independence, a large part of investment in the region's economy was directed to the automotive and light industries. As a result, other potential sectors in the region have lagged in development and have become a layer of the economy in need of modernization and diversification. Although thermal and fuel-energy complexes have been built by attracting foreign investment, it has been found that the region is unable to meet its electricity needs. Also, foreign investment was not attracted by the potential of the region until 2016, it was observed that under the influence of various socio-political factors, most foreign investment flows significantly expanded only in the central regions. Such factors have reduced the attractiveness of the region for investors. In conclusion, we believe that in attracting FDI to the region's economy, it is necessary to properly assess the potential of existing economic sectors, to develop science-based and international experience-based programs.

Acknowledgment

I would like to thank my supervisor, Professor, Dr., Young-Jin Ahn for his dedicated support and guidance. He continuously encouraged me throughout the process. I am grateful to him because his insightful feedback pushed me to sharpen my thinking and brought my work to a higher level. I thank him for his perfect support and for all the opportunities I was given to further my study. He provided me with the tools that I needed to choose the right direction and complete my research.

References

1. Ietto-Gillies, Grazia (2012). *Transnational corporations and international production: Concepts, theories, and effects*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar.
2. Kojima, K., Osawa, T., (1984), "Micro and macro-economic models of foreign direct investment". Hitotsubashi Journal of Economics
3. Hosseini H., (2005), "An economic theory of FDI: A behavioral economics and historical approach", The Journal of Socioeconomics, 34, pp.530-531.
4. Kindleberger, C.P., (1969) *The Theory of Direct Investment*. In: Kindleberger, C., Ed., American Business Abroad, Yale University Press, New Haven.
5. Froot, Kenneth A, and Jeremy C Stein. (1991), "Exchange Rates and Foreign Direct Investment: An Imperfect Capital Markets Approach." Quarterly Journal of Economics 106 (Nov.): pp.191-217.
6. Hartman, David G., (1984), "Tax Policy and Foreign Direct Investment in the United States." National Tax Journal, Vol. 37, No. 4, pp. 475-487.
7. Blonigen, Bruce A., (2005), *A Review of the Empirical Literature on FDI Determinants*, Atlantic Economic Journal volume 33, pp.383–403
8. Booth, M., Königer, J., & Nunnenkamp, P., (2010), *FDI promotion through bilateral investment treaties: more than a bit? Review of World Economics*, 146(1), pp.147-177
9. Ubaydullaeva S.F., 2004, *Political aspects of attracting foreign investment to Uzbekistan*. Dissertation, Tashkent institute of Finance, p-18. (In Uzbek)
10. Mirzaakhmedov H, Jobborova M., (2013), "Fergana: investment potential". Republican collection of scientific and practical materials, Namangan. pp.176-177 (In the Uzbek language).
11. Mirzaakhmedov H., Jobborova M., (2013), "The impact of regional resources on the development of social and economic geographical processes". Namangan State University scientific report press. 4th edition, Namangan State University, pp. 59-61, (in the Uzbek language)

²⁵ www.invest.gov.uz

**ANALYSIS OF THE STATE OF INNOVATION ACTIVITY OF SMALL BUSINESSES IN THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

Dyusembayeva L.

Senior Lecturer, Master's degree

*Kazakh Agrotechnical University named after S.Seifullin,
Nursultan, Kazakhstan*

**АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОГО БИЗНЕСА В
РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

Дюсембаева Л.К.

старший преподаватель, магистр

*Казахский агротехнический университет им.С.Сейфуллина
г.Нур-Султан, Казахстан*

Abstract

This article discusses issues of comprehensive research and analysis of small businesses in Kazakhstan in order to develop recommendations, proposals for improving them and promising development of the country's small business infrastructure.

Annotation

В настоящей статье рассмотрены вопросы о комплексном исследование и анализ малого бизнеса Казахстана с целью выработки рекомендаций, предложений по их совершенствованию и перспективному развитию инфраструктуры малого бизнеса страны.

Keywords: state, sector, development, entrepreneurship, infrastructure, economic activity, automation.

Ключевые слова: государство, сектор, развития, предпринимательство, инфраструктура, экономическая активность, автоматизация.

Малый бизнес - основа стабильного гражданского общества, и от его развития зависит благосостояние всех казахстанцев. Он не только выполняет огромную социальную роль, поддерживая экономическую активность большей части населения, но и обеспечивает значительные налоговые поступления в бюджет. В нынешней непростой ситуации именно малый бизнес может выступить в качестве стабилизатора, а потому вправе рассчитывать на соответствующее внимание общества и государства.

Малый бизнес взаимодействует с рядом элементов рыночной инфраструктуры, которые составляют инфраструктуру малого бизнеса. Всякая инфраструктура со временем изменяется и совершенствуется, следовательно, изменяется и инфраструктура малого бизнеса. Относительно инфраструктуры малого бизнеса Республики Казахстан следует заметить, что ее изменение и развитие отстает от мирового, для чего необходимо создание наиболее необходимых его элементов, которые позволят развиваться и эффективно функционировать в дальнейшем малому бизнесу.

История развития малого бизнеса доказала большую экономическую и социальную значимость этого сектора экономики. Малый бизнес придаёт экономике гибкость, мобилизует крупные финансовые и производственные ресурсы населения, несёт в себе мощный антимонопольный потенциал, обеспечивает прорывы по ряду направлений научно-технического прогресса, во многом решает проблему занятости. Малый бизнес формирует средний класс общества любого государства.

Вследствие чего, он органично входит в экономическую систему экономически развитых стран.

Анализ состояния казахстанского малого бизнеса свидетельствует о том, что сложившаяся система его поддержки неэффективна и не дает соответствующих результатов. Для формирования целостной системы развития инфраструктуры малого бизнеса необходимо повысить эффективность имеющихся механизмов её реализации и дополнить ее механизмом интеграционно-функциональной поддержки. Этот механизм заключается в создании условий для образования и развития разнообразных форм производственного, сбытового, научно-технического и других взаимодействий крупных и мелких хозяйственных структур. Необходимо также повысить эффективность финансового стимулирования малого бизнеса, для этого следует создать особые условия его кредитования, налогообложения, инвестирования и консультирования.

Социальная функция малого предпринимательства включает в себя решение проблем занятости, преодоление бедности, демократизацию общества. Развитие мелкого предпринимательства необходимо потому, что они дают жизнь старым крупномасштабным предприятиям и в союзе с ними получают значительную выгоду как для себя, так и для рыночной экономики в целом. Об этом говорят следующие цифры: в США на малый бизнес приходится 34,9% чистого дохода, а в Японии 56,6% всей продукции в обрабатывающей промышленности производят предприятия малого бизнеса.

Однако могут ли эти или другие параметры служить для Казахстана эталоном? Проведённые исследования, а также критический анализ зарубежного опыта не позволяют однозначно ответить на поставленный вопрос. Как показала практика, в большинстве случаев сравнение неуместно по целому ряду причин общего и частного характера.

Предпринимательство - это особый вид экономической активности (под которой мы понимаем целесообразную деятельность, направленную на извлечение прибыли), которая основана на самостоятельной инициативе, ответственности и инновационной предпринимательской идеи [1].

Крупное производство и не противопоставляется малому, что является одной из причин успешного развития малого бизнеса в странах с развитой рыночной экономикой. В развитых странах культивируется принцип кооперирования крупных и малых предприятий, причем крупные объединения не подавляют малые фирмы, а взаимно дополняют друг друга, особенно в сфере специализации отдельных производств и в инновационных разработках. Не случайно в США, к примеру, девять из каждых новых десяти технологических идей рождаются в малых фирмах [2].

В самом деле, трудно рассчитывать на устойчивое развитие экономики, если в ней не могут развиваться конкурентные начала, или крупный и малый бизнес существуют параллельно. Это неизбежно выталкивает малый бизнес на обочину каких-то торгово-посреднических операций, которые характерны для современного Казахстана.

А крупный бизнес становится либо неповоротливым, либо практически отрывается от потребностей экономики и переходит на обслуживание потребностей мирового рынка. То есть возникает схема, которая известна по ряду, так скажем, не очень благополучных стран третьего мира.

К основным проблемам, сдерживающим развитие малого предпринимательства в Казахстане можно отнести [3]:

- недостаточная развитость инфраструктуры поддержки малого предпринимательства;
- слабая дисциплина по исполнению действующего законодательства на местном уровне;
- чрезвычайная усложнённость систем налогообложения и налоговых проверок;
- ограниченность доступа к кредитам на приобретение основных и пополнение оборотных средств;
- сложность процедуры приобретения незадействованных производственных помещений, находящихся в коммунальной собственности, субъектами малого предпринимательства, занятых в реальном секторе экономики и крайне высокая арендная плата;
- отсутствие целостной системы подготовки кадров и информационной поддержки малого предпринимательства;
- организационные проблемы взаимодействия малого предпринимательства с государственными структурами;

- административные барьеры на пути развития малого предпринимательства.

Одним из направлений формирования благоприятной среды для развития предпринимательства является преодоление препятствий в организации и осуществлении предпринимательской деятельности, вызванных актами, действиями и бездействиями органов государственной власти, квалифицируемыми как административные барьеры. Во многом данные препятствия связаны с действиями исполнительной власти на местах [4].

В своём выступлении Президент РК Касым-Жомарт Токаев подчеркнул, что Палата предпринимателей стала надежным партнером Правительства и вносит большой вклад в устойчивое развитие нашей страны. По его мнению, «Атамекен» постоянно защищает интересы национального бизнеса не только в Казахстане, но и на международном уровне. Пять лет назад доля малого и среднего бизнеса во внутреннем валовом продукте составляла всего 24 %. Сейчас эта цифра достигла 32 %, в отрасли занято 3,5 млн казахстанцев.

Эпидемия, распространившаяся по всему миру, с прошлого года препятствовала развитию предпринимательства в нашей стране. В трудную минуту государство оказалось всестороннюю поддержку сфере бизнеса. В рамках различных государственных программ было реализовано 3 пакета антикризисных мер на общую сумму 6,3 трлн тенге. Это позволило «переломить ситуацию» – восстановить экономическую активность и предпринимательскую инициативу. Мы не допустили резкого роста безработицы и массовых банкротство предприятий. По итогам 8 месяцев экономика нашей страны выросла на 3 %. Государство продолжит оказывать поддержку бизнесу, – отметил Президент.

Глава государства сообщил, что в 2022 году в рамках программ «Экономика простых вещей» и «Дорожная карта бизнеса» будет выделено не менее 1 трлн тенге. В этот непростой период главная задача – найти баланс между мерами по охране здоровья людей и возобновлением полноценной предпринимательской активности [4].

Президент отдельно остановился на ближайших задачах бизнеса и Правительства. По его словам, стране нужна новая регуляторная политика. Предстоит переход от жесткого регулирования к стимулированию деловой активности бизнеса, саморегулированию и так называемому «smart regulation».

Правительству совместно с «Атамекен» следует разработать новую стратегию развития МСБ, предусматривающую переход от прямой, по сути, безадресной, поддержки и субсидирования бизнеса к более рыночным инструментам и подходам. Давней и пока не решённой проблемой является то, что несмотря на общий рост количества МСБ, сохраняется низкая доля средних компаний. А ведь именно они более устойчивы и конкурентоспособны. В связи с этим требуются новые регулирующие и стимулирующие меры для перехода малого бизнеса в

категорию среднего. Поручаю Правительству совместно с «Атамекен» до конца текущего года принять Концепцию развития МСБ до 2030 года, – заявил Президент [5].

Как нам известно, на основе обращений бизнеса я принял решение о внедрении с 2023 года единого платежа с фонда оплаты труда. Общая нагрузка для микро и малого бизнеса будет снижена с 34 % до 25 %. Теперь следует проработать возможность применения аналогичного механизма в отношении самозанятых и индивидуальных предпринимателей. Мы должны упростить налоговое администрирование и дать возможность платить единый платеж с предпринимательской деятельности, включающий все налоги и внебюджетные платежи. Это также простирает выход бизнеса из «серой зоны». Прошу Правительство совместно с «Атамекен» провести обстоятельную работу по совершенствованию действующих специальных налоговых режимов, – отметил Президент, также одновременно требуется активная «цифровая перевоззагрузка» и самого бизнеса. Более половины рабочих мест, конкретно 52 %, в Казахстане уже сейчас подвержены высокому риску автоматизации [6].

Разработка предложений и мероприятий по развитию рыночной инфраструктуры в рамках программы для конкретного региона, области или республики в целом должна проводиться на основе экспертных оценок, исходя из потребности и анализа уже существующих предприятий. При этом в программу включаются те структуры и виды деятельности, которым необходима поддержка со стороны местных органов управления.

Хотелось бы заметить, что несомненная перспективность сектора малого предпринимательства в современной экономике и, следовательно, большой интерес к нему не следует рассматривать лишь как очередную компанию в системе антикризисных

мер, но и как долговременное направление структурной политики, реализацию современной стратегии экономического роста в течение долговременного перехода. Так как, именно малые предприятия, особенно в случае удовлетворительной разработки новой государственной политики в области малого предпринимательства, могут стать основой рыночных структур во многих отраслях, обеспечить перелив инвестиций в сферы наиболее эффективного приложения ресурсов и тем самым соединить процессы структурной политики и формирование внутреннего рынка [7].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что отличительная черта в развитии предпринимательства в Республике Казахстан то, что оно рассматривается как долговременный, один из ключевых факторов развития экономики.

References

1. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan, having the force of Law, "On measures to strengthen state support and enhance the development of small business" No. 3398, dated March 6, 1997.
2. Small business: methodology and results of analysis.//Questions of statistics.1999, №8.
3. Problems of small business in the Republic of Kazakhstan// Alpari No. 6 2008.
4. Beisenov S. Labor market // Economics and Life - 1992 - No. 3.
5. Guidebook for an entrepreneur: a reference book. - Astana: Agency of the Republic of Kazakhstan for Regulation of Natural Monopolies, Protection of Competition and Support of Small Business, Republican Information and Exhibition Center for Small Entrepreneurship, 2002.
6. <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinjal-uchastie-v-viii-sezde-nacionalnoy-palaty-predprinimateley-atameken-2884739>.
7. Kazakhstan - 2030. Almaty, LAWYER, 2003.

HISTORICAL SCIENCES

KOMSOMOL ORGANIZATION OF THE ULYANOVSK REGION: HISTORICAL ASPECT

Mukhamedov R.

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of History of the Ulyanovsk
State Pedagogical
University named after I.N. Ulyanov.*

Pashkin A.

*Candidate of Historical Sciences, Ulyanovsk
State Pedagogical University
named after I.N. Ulyanov*

КОМСОМОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УЛЬЯНОВСКОГО РЕГИОНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мухамедов Р.А.

*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории Ульяновского
государственного педагогического
университета им. И.Н. Ульянова.*

Пашкин А.Г.

*кандидат исторических наук, Ульяновский
государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова*

Abstract

In this article, on the basis of scientific literature, archival materials, an attempt was made to carry out a retrospective analysis of the development and growth of the Ulyanovsk Komsomol organization in the 1918-1950s. The authors considered the issue of both quantitative and qualitative composition of the Komsomol organization, and also analyzed the main trends in the increase in the number of the Komsomol organization. The authors study the Komsomol as a socio-cultural phenomenon, identifies the factors of its multilateral influence on society. The article discusses the formation, development and change of the youth policy of the Soviet state.

Annotation

В данной статье на базе научной литературы, архивных материалов была предпринята попытка осуществить ретроспективный анализ развития и роста Ульяновской комсомольской организации в 1918-1950-е гг. Авторами рассмотрен вопрос как количественного, так и качественного состава комсомольской организации, а также проанализированы основные тенденции увеличения численности комсомольской организации. Авторы изучают комсомол как социокультурный феномен, выявляет факторы его многогранного влияния на социум. В статье рассматривается формирование, развитие и изменение молодежной политики советского государства.

Keywords: Komsomol organization, Komsomol, Communist Youth Union, regional party archive.

Ключевые слова: комсомольская организация, комсомол, коммунистический союз молодежи, областной партийный архив.

История комсомола неразрывно связана с историей становления и развития молодой советской страны, это пример служения своему Отечеству, пример проявления настоящего патриотизма молодежи во имя Родины и народа. Комсомол рождается в 1918 году как новое движение, объединяющее молодежь для строительства Советской России. История комсомола – это история нескольких поколений людей. Это история жизни прабабушек и прадедушек, дедушек и бабушек сегодняшней молодежи.

На родине Ленина, в городе Симбирске, местная комсомольская организация появилась позже, чем всероссийская. Учредительный съезд РКСМ в

Москве состоялся в конце октября 1918 года – всего полтора месяца спустя после того, как в Симбирске была окончательно установлена советская власть. На Волге в самом разгаре шла Гражданская война. Молодежные социалистические организации в это время возникали полустихийно. Записываться в ряды таких организаций призывал губернский комитет коммунистической партии. Листовки того времени гласили: «*Каждый юный рабочий и крестьянин должен быть в Коммунистическом Союзе молодежи. Юноша и девушка, у тебя царское правительство отнимало счастливые детские годы. Цепи пали. Советская власть стремится дать вам счастливую свободную жизнь, но наемники царя –*

генералы – идут на нас снова надеть цепи. Твой долг идти в Коммунистический Союз молодежи для борьбы с ними».[1]

К весне 1919 года компартия в Симбирске дозрела до решения создать в городе собственную ячейку РКСМ. Городской комитет Российского коммунистического союза молодежи был избран на конференции 13 апреля. Следом уездные комитеты РКСМ стали появляться в сельской местности, а 21 сентября 1919 года, ровно сто лет назад, состоялась первая губернская конференция комсомольских организаций.

Симбирская губернская организация РКСМ официально была образована в сентябре 1919 года на губернской конференции, состоявшейся в Симбирске. Проведение ее в более ранние сроки было осложнено происходившими на территории региона событиями Гражданской войны и её последствиями. Однако организации молодёжи в Симбирске и губернии стали появляться в 1918 году. Среди первых были социалистический союз молодёжи и союз молодёжи «З-й Интернационал» в Симбирске, но почти все их члены были направлены в боевые отряды по борьбе с белогвардейцами и выступлениями кулаков. Практически одновременно в начале весны 1918 года организовался союз молодёжи в селе Княжуха Аллатырского уезда, ныне Сурского района. В дальнейшем, особенно в течение весны и лета 1919 года, молодёжные организации стали возникать в сёлах, на предприятиях и в учебных заведениях, в уездах и городах. Причём консолидация молодёжи происходила не только по территориальному принципу, одним из примеров такой была молодёжная мусульманская организация. В начале апреля 1919 года по инициативе городского комитета РКП(б) было создано оргбюро РКСМ, а вскоре состоялось первое организационное собрание рабочей молодёжи Симбирска для создания Союза коммунистической молодёжи. На нём был избран организационный комитет, который возглавил Иван Кислицын, 24-летний политработник, имевший опыт комсомольской работы на Урале. В течение весны и лета 1919 года в губернии происходил бурный рост числа волостных и сельских ячеек союза, оформлялись уездные организации РКСМ. Первая общегубернская комсомольская конференция состоялась 21 сентября 1919 года. [2]

В отчете о работе I Симбирской губернской конференции Коммунистических Союзов Молодежи 21 сентября 1919 г. говорится: «Наш союз в Симбирске пережил 3 стадии своего развития. Идея организации зародилась в Первой Пролетарской трудовой школе с пансионом, для детей рабочих, крестьян, партийных товарищеским, имени Карла Маркса. Здесь в конце ноября месяца 1918 года, организовался союз учащихся коммунистов «III Интернационал». Не имея определенной программы, связи с центром, передовая часть союза брала в поптках, ища пути, и она его нашла. Вся работа организации целиком выливалась в политическую работу. Массово устраивались лекции, беседы, митинги, горячие дискуссии. В жизнь школы организация почти не вмешивалась, ибо не знала

положения. Партия и Отдел Народного Образования не хотели знать о союзе, хотя можно отметить сотрудничество тов. Иосифа Варейкиса, Михаила Гольдмана и тов. Пищальникова. Вся власть в школе принадлежала так называемому ученическому совету, состав которого был чуть ли не мещанский. Отношения между союзом и ученическим советом, были самые отрицательные. Первая стадия развития союза. Вторая: в конце февраля созывается митинг всей учащейся молодежи города, где и происходит соединение двух организаций; школы Карла Маркса и землемерного училища. Здесь мы уже имеем сплоченную организацию молодежи в 70 членов.[3] Организация завязывает тесную связь с партией и Народом. Это стихийное единение двух организаций в одну послужило тем боевым крещением, которое прочно спаяло учащихся, коммунистическую молодёжь, которая на протяжении всей революции не сходила и не сходит с первых постов Российского Коммунистического Союза Молодежи, и теперь идет рука об руку с рабочей и крестьянской молодежью. Данная организация начинает свою работу уже в уезде, скоро появились плоды работы – союзы учащихся коммунистов в деревне. Так было до 13 апреля. В апреле месяце почти все члены организации были брошены на борьбу с Колчаком. Организация прекратила свое существование. 13 апреля по инициативе одного из уральских товарищеского была организована городская организация Российского Коммунистического Союза Молодежи. Молодой организации плохо идут на встречу все советские учреждения, но она растет, растет с каждым днем, созывая под свои знамена рабочую и крестьянскую молодежь. Для оздоровления умов анти настроенных к союзу, а второе, для привлечения всей трудящейся молодежи в союз, 8 июня устраивается День Красной Молодежи, где произошел смотр юных сил. День прошел успешно. Горячее участие в проведении принял член Рев. Воен. Совета укрепленного района тов. Семков. Влились новые силы, Партия, Отдел Народного Образования и др. учреждения, идут охотно навстречу молодой организации. Горком развивает свою деятельность на всю губернию. Первый райком был создан при Патронном Заводе. Рабочая молодежь завода горячо и охотно отзовалась на организацию. Как не трудно приходится работать комитету, нет средств, сил, но все-таки союзы в провинции росли как грибы после дождя. Кроме того, работа союза затрудняется политической отсталостью губернии. Являясь кулацкой губернией, оплотом монархизма, ареной гражданской войны, все это сильно отзывалось на организации молодежи в губернии. В конце июля созывается Первая уездная конференция, на которой присутствуют 36 представителей от 500 избирателей. Данная конференция дала усиленный толчок в организации молодежи. Выбранному Уездному Комитету было поручено созвать Губернскую конференцию молодежи. Вся губерния покрылась сетью союзов. [4]

Документы, полученные для написания статьи, датируются 1943-1944 годами и хранятся в

Ульяновском архиве Новейшей истории. Документы свидетельствуют о том, что комсомольская организация в Ульяновске и области динамично разрасталась. Исходя из имеющихся строк и пометок, можно понять, что за перемещением и дальнейшим выбором жизненного пути членов комсомольской организации велось серьезное наблюдение. Так в телеграмме отправленной в Москву 20 марта 1943 г., местные партийные органы рапортовали, что рост в марте 2004 женщин, 739 рабочих, 570 колхозников, 700 служащих, 138 учащихся, 585 прочих, 11 четырнадцатилетних, 277 рекомендовано партию[5].

Следующий пример – документ от апреля от Ульяновского ОБКОМа ВЛКСМ в Москву ЦК ВЛКСМ. В нем говорится, что рост в апреле 1602, женщин 628, рабочих 510, колхозников 428, служащих 135, учащихся 501, прочих 30 четырнадцатилетних 246, рекомендовано партию 128, создано колхозных организаций 22. Отчитывается ОБКОМОЛ Самохвалов из г.Ульяновска, ОБКОМ ВЛКСМ, 43г, сч.166 [6]

Документы подтверждают тот факт, что в каждом содержится информация о росте организации. Сведений о выходе из организации отсутствуют. Это может свидетельствовать о двух фактах: либо на самом деле организация так славилась, что выходить из нее не было необходимости, либо о замалчивании спорных вопросов.

Отметим, что информация в справках различна по наименованию строк. Можно предположить, что происходит это в связи с разной степенью ответственности или желания выслужиться тех, кто эти справки составляет.

Во временной отрезок 1943-1944 годов, по которым у нас имелись документы, видно, что ежемесячно рост комсомольской организации примерно составлял в среднем 1500 тысячи человек. В связи с тем, что шли военные годы, большее количество представлено женщинами. В среднем создавалось 8-10 колхозных организаций. Следует отметить, что в некоторых документах имеется значительное

количество орфографических ошибок. Связано это с тем отчасти, что текст набирался на машинке, а также с тем, что еще были времена безграмотности, с которой комсомол боролся. [7]

Из справки секретаря Ульяновского городского комитета ВЛКСМ Долгоруковой, направленной в школьный отдел Ульяновского областного комитета ВЛКСМ, о состоянии внешкольной работы с учащимися в 1943–1944 учебном году 12 июля 1944 г. [8]

Таким образом, изучение роли комсомола, а, соответственно, его роста и развития, в формировании политической культуры общества представляет научный интерес потому, что именно в комсомольском возрасте, в переходный юношеский период своей жизни личность, как правило, завершает формирование основ своего мировоззрения, осмысливает своё место и роль в жизни, проявляет стремление получить определенный социальный статус и играть свою социальную роль. Массовость, многообразие направлений и форм деятельности комсомола предопределили влияние комсомола на политическую культуру всего общества.

References

1. See: Antonchik, G. When we were young ...: [Komsomol - 95 years old] / G. Antonchik // Ulyanovsk today. - 2014. - March 14. - p. 5.
2. State Archive of the Recent History of the Ulyanovsk Region, further (GANI UO). F. 43. Inventory 1. D. 2. L. 4.4 (v.).
3. GANI UO. Fund 1927. Inventory No. 1. Unit No. 53. L. 23.
4. GANI UO. F. 43. Op. 2. D. 2. L. 38.
5. See: Komsomol youth: a collection of memories. - Ulyanovsk: Ulyanovsk book publishing house, 1958. - 112 p.
6. GANI UO. F. 1927. Op. 2. D. 2. L. 53.
7. Komsomol of the Motherland of V. I. Lenin: Documents and Materials (1918-1972). - Saratov: Volga Book Publishing House, 1975. - 298 p.
8. GANI UO. F. 1927. Op. 2. D. 2. L. 53.

JURISPRUDENCE

INSTITUTE OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN THE RUSSIAN AND AMERICAN LEGAL SYSTEM

Nikanorov A.

«MIREA» - Russian Technological University, Moscow
Moscow, Stromynka Street, 20, 107076

Abstract

This study analyzes the Institute for Compensation for Moral Harm in the Russian Federation and the Institute for Mental Harm in the United States of America, which are equivalent concepts. Attention is drawn to the historical moments of development and the current state of these institutions in national legal systems. On the basis of a comparative legal analysis, the author raises the question of the possibility of borrowing some elements of the American system into the Russian legal system. The difference in the perception of some aspects is normal for two very different legal families, but globalization, international cooperation is developing the process of merging many elements of legal families. An experienced, well-developed system of compensation for mental harm in the United States should be considered as a means to fill in the gaps in the domestic system of compensation for moral harm.

Keywords: moral damage, compensation, mental harm, legal systems, moral harm, civil law

A person interacts with the society and the government daily. In the course of ordinary life, we enter into certain legal relations. The establishment of a person as a subject of a certain relationship ensures that he receives both rights and obligations. This process is reciprocal to the subjects. However, the natural factor of the relationship makes it possible for a person's deed to become an offence. Article 2 of the Constitution of the Russian Federation secures a person, his rights and freedoms as the supreme value, and Article 46 of the Constitution of the Russian Federation guarantees the right to receive judicial protection of his rights and freedoms. In view of the constant relations of the individual in the social environment with other subjects, actions of a malignant nature arise, directed against the individual sovereignty of the individual in the material, physical and moral aspects. Non-material benefits and personal non-property rights of a person are infringed in various ways as a result of illegal acts, but in connection with the duty of the state to protect the rights and freedoms of the individual, there are recreational mechanisms for protecting personal sovereignty. A sensible idea is embedded in the concept of protecting the rights of a victim of offenses, namely the subsequent process of restoring the lost welfare. In the Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation there are ways of protecting one's civil rights listed, one of which is compensation for moral harm. Analysis of the existing judicial practice makes the citizens demand for the restorative justice seen. However, it is important to note that the annual increase in the number of civil cases to consider disputes for compensation for moral damage is also associated with the expansion of the field for the implementation of moral damage. Commensurate with the scientific and technical progress and the general natural evolution of society, new obstacles arise in the

implementation of compensation for moral harm. A dynamic basis, the ability to accept the new conditions of society should underlie when considering the possibilities of extending compensation for moral damage. It is assumed that the improvement of national legislation is possible through legal reception from foreign legal systems. But, before proceeding to a comparative legal analysis and consideration of the adaptation aspects of the foreign structure of the institution of compensation for moral harm to the domestic system, we should comprehensively analyze the existing Russian legal experience.

The institution of compensation for moral harm in the civil law of the Russian Federation is reflected in Article 151, as well as in Articles 152, 1099, 1100, 1101 of the Civil Code of the Russian Federation. Considering the very concept of moral harm, one should refer to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 20, 1994 No. 10, which interprets some of the features of the actual establishment of damage to mental health: «birth or by virtue of the law, intangible benefits ... or violating his personal non-property rights ... or violating the property rights of a citizen ... Moral harm, in particular, can consist in moral experiences in connection with the loss of relatives, the inability to continue an active social life, job loss»²⁶. From the totality of norms, it can be found out that the compensatory function is performed by means of the monetary form, no other form of compensation is possible. A large role in the appointment of the amount of damages rests with the judge, since the amount of compensation for non-pecuniary damage is determined by the court depending on the nature of the suffering caused to the victim and the degree of the offender's fault. Considering Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation, special circumstances are formed in which

²⁶Resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 20, 1994 No. 10 (ed. of February 6, 2007) «Some questions of application of the legislation on compensation of non-

pecuniary damage», p. 2 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 01.03.1995, №3.

guilt does not matter - this is harm to life and health using a source of increased danger, illegal conviction and other state coercive measures to restrict freedom, as well as the dissemination of information discrediting honor, dignity and business reputation.

The institution of compensation for moral harm in Russian law is a fairly new phenomenon, despite the fact that the foundation of the concept of compensation for harm was laid back in the 10th century. You can find the first echoes of covering up the damage in the first ancient Russian source of law - in the «Russkaya Pravda» (Rus' Justice). The subsequent history of the formation of this institution is reflected in the judicial codes of Ivan III, Ivan IV in the 15th-16th centuries, at this time it becomes possible to file a civil suit for murder in order to recover moral compensation, as well as categoricity - the sex and social status of the victim are important when appointing the amount of compensation. In the 18th-19th centuries, compensation also exists and is being improved: this is the law on insult to honor in the military and naval regulations, and the manifesto of Catherine II «on duels». However, the pre-revolutionary period puzzled Russian civil law with the question of the expediency of moral compensation by material means. With the arrival of the Bolsheviks, compensation for moral damage became invalid in domestic legislation. The state adhered to the idea that «moral harm cannot be compensated for by material means». This principle existed until 1990.

The institution of compensation for moral damage in the United States of America has existed for a relatively long time. At the same time, it is important to remember the difference between the continental system of law and the Anglo-Saxon (precedent) system of law. There is a different doctrinal approach to the very concept of moral harm. «Psychological injury» (mental harm), «psychiatric injury» (psychiatric harm), «nervous shock» (nervous shock, nervous shock)²⁷. Such a theoretical variety may indicate that the institution of compensation for mental damage has been comprehensively studied and has a large long-term judicial practice.

The theoretical foundation of the concept of mental harm in American law should be substantiated through the legal dictionary of Henry Campbell Black, according to which this «term applied to fear, severe anxiety, the intense fright and the mental distress caused by a physical injury», or «a sudden and severe depression of the vital functions, particularly of the nerves and the circulation, due to the nervous exhaustion following trauma, surgical operation, or sudden and violent emotion, resulting (if not in death) in more or less prolonged prostration»²⁸.

Speaking about the national system of US law, it is important to remember one special feature that the legislation of individual states may differ significantly. Within the framework of the mechanism of compensation for moral damage, differences between states are insignificant and are reduced to general characteristics. However, the understanding of the essence of mental

harm in different states is determined in its own way. For example, in the state of Washington, mental damage is assessed by the presence of any mental abnormality that can be identified by medical research. But there are precedents, such as the case of Barnhill v. Davis 1981 or case LaCour v. Safeway Ins. Co., 1996, in which the court satisfied the claims for compensation for moral damage in view of the plaintiff's insomnia, poor performance of children at school.

The Code of Laws of the United States of America allows you to find out the list of grounds on which the right to compensation for moral damage is awarded: infringement of the right to loneliness, solitude; infringement of privacy; disclosure and public disclosure of information against the will of a person; usurpation of someone else's name or appearance for personal interests, bodily assault. For these illegal acts, the object of the encroachment will be mental anxiety, stress of the injured party. The American system of law also distinguishes the intentional or reckless infliction of mental harm, thus dividing the goal of the institution of compensation for moral damage is revealed by the dualism of the sanction method and the compensation method.

The analysis of court cases allows us to talk about the systematic nature of the consideration of cases for compensation for mental harm and allows us to find out a certain structure in the qualification of the degree of harm. The most important factors are: whether the offender had intent, whether the infliction of moral suffering was the result of real, justified torment or fear on the part of the injured party. The consequences of attacks on mental or physical health, as an established and diagnosed consequence of a certain injury, are also an important fact.

Also, much attention is paid to the issue of the natural characteristics of the victim, since an overly emotional or especially impressionable person experiences moral harm differently, and in this case, compensation is permissible only if there is clear intent or gross negligence in the offender's act.

One of the most interesting features of the American system for the recovery of mental harm is the possibility of obtaining compensation for an offense that does not infringe on the sovereignty of the individual of the plaintiff, that is, the tort is not directly related to the person, but it affects his rights and interests indirectly. Thus, a person realizes a compensatory function in the form of experiences that did not relate to his individual mental health directly, but over time caused strong moral anxiety through the strong experiences of another person. In this case, the plaintiff may be a person who witnessed the suffering of a close relative as a result of unlawful encroachment or other act. However, there are criteria, in the presence of which, the courts implement this type of compensation. As mentioned earlier, there must be a close, special relationship between the plaintiff and the victim; also the plaintiff, as a result of what he saw, experiences serious physical or

²⁷ Erdelevsky A.M. Compensation for moral harm in Russia and abroad. [Published in Russian] - Moscow.: R. Valent, 1997, - c.19

²⁸ Black's Law Online Dictionary // URL: <https://alegaldictionary.com/>

mental limitations; the plaintiff, together with the victim, was in an unsafe state, «the doctrine of the danger zone».

In conclusion, it should be said that the US legal system is more complex than the Russian system. The long-term experience of the Institute for compensation for moral damage has brought many parameters to the procedural system, in particular, certain norms for proving the defendant's guilt by the plaintiff, various situational doctrines, etc.

Taken together, this proves an integrated approach, the detailed study of cases of compensation for moral harm and the fact of the efficiency of civil protection of rights in the United States. The legal system related to the legal family of common law does not hinder the development of national law in the process of globalization. An unsystematic structure interprets elements unknown to law and adapt such to fundamental principles of legal system and legal doctrine.

Comparing two definitely different systems of this institution, we can conclude that borrowing the experience of protecting civil rights in the American tradition is possible, but not in full. The law enforcement practice of the courts of the United States of America, doctrinal approaches will be able to bring new opportunities to the domestic system of the institution of compensation for moral damage. The legal system of the Russian Federation is at the stage of studying this phenomenon, there are large gaps (the formula for determining the amount of compensation for moral damage, the disproportionate amount of payments to the principle of justice, conceptual differences in the interpretation of moral damage). But a complete analysis of foreign practice is required before introducing it into the Russian system. The presence of a contrast between do-

mestic and American doctrinal approaches is an advantage in this case. Different economic, socio-cultural and political views can be an obstacle to the adoption of unfamiliar, new provisions into the domestic theory and legislation. However, the improvement of domestic civil legislation through a more experienced and open institution of compensation for mental harm can be implemented through a step-by-step integration procedure, taking into account the analysis of the state of the judicial system and public perception.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the changes approved during the approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Legal reference system «ConsultantPlus»
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 №51-FZ (ed. of 08.12.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, №32, article 3301
3. The Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 №14-FZ (ed. of 27.12.2019, from ed. from 28.04.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 29.01.1996, №5, article 410
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 20, 1994 No. 10 (ed. of February 6, 2007) «Some questions of application of the legislation on compensation of non-pecuniary damage», p. 2 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 01.03.1995, №3.
5. Erdelevsky A.M. Compensation for moral harm in Russia and abroad. [Published in Russian] - Moscow.: R. Valent, 1997, - 272 p.
6. Black`s Law Online Dictionary // <https://alegaldictionary.com/>

MEDICAL SCIENCES

IMMUNE AND CYTOKINE STATUS OF PATIENTS WITH HCV-ASSOCIATED LIVER CIRROSIS

Mirkhaydarov R.

Candidate of Medical Sciences,

Director of the Research Medical and Wellness Center "Health and Longevity"

Pr. Octobrya, 144/1, Ufa, Russia

Valishin D.

Doctor of Medical Sciences, Professor of the Infectious Diseases Department with the IAPE course of

Bashkir State Medical University

Zapototsky str., 37, Ufa, Russia

Kildebekova R.

Doctor of Medical Sciences, Professor of the Mobilization training Department in Healthcare and Disaster Medicine of Bashkir State Medical University

Lenin Street, 3, Ufa, Russia

Iskhakov E.

Doctor of Medical Sciences, Professor of the Criminialistics Department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs

Dostoevsky Street, 131, Ufa, Russia

Abstract

The study of the immune and cytokine status among 146 patients with HCV-associated cirrhosis of the liver revealed the presence of pronounced dysfunction of the immune system in all parts of the immune system: the decrease in the number of white blood cells by 19.8%, lymphocytes - by 37.9%, as well as a significant increase in the production of pro-inflammatory cytokines (IL-1 β , IL-6, TNF- α) and the decrease of anti-inflammatory cytokines (IL-10, IL-4) in comparison with the group of healthy patients.

Keywords: HCV-associated liver cirrhosis, immune status, cytokines

According to the research of WHO the liver cirrhosis as the reason of death is on the 10-th place in the world and 6-th place in Russia. One of the main mechanism of the development of LC (Liver Cirrhosis) is liver damage that is caused by virus hepatitis C. In this time the pathogenesis of HCV associated with LC researches active from clinic-immunologic position. It is estimated that in progressing HCV-infection the main role in the forming immune reaction of macro-organism plays interaction in system "virus-host" [1]. As the result deep damage of immune response is appeared with the quantitative and qualitative composition imbalance of immunocompetent cells and with the destroying it's functional activity and cells cooperation [1,2,3]. At present the high frequency (50-85%) of forming chronic types and development complications conditioning of "slip out" of virus from immune control are considered proved [3,4].

The mechanisms of this phenomena wasn't estimated clearly yet. It is supposed that the central role in elimination virus hepatitis C plays T-part of immunity[5,6]. Deficiency CD4+ lymphocytes and cytokines imbalance is the considerable importance in supporting of the pathological process among patients with HCV associated LC [7]. Many international researches show the role of cytokines in virus replication control, the hepatocytes damaging process and the inflammatory infiltration, the regeneration and liver fibrosis [4,6,7]. HCV infects not only the hepatocytes but another targets cells too, particularly the immune system cells - lymphocytes, which results in the suppression their

functional abilities and long period of virus persistence in organism [8].

The research of immune system condition among patients with HCV associated liver cirrhosis is necessary for molecular-cells mechanisms identification of disease, producing new ways for treatment, rehabilitation and prognosis of disease.

The aim of research: to assess immune and cytokine status of patients with HCV-associated LC for developing new rehabilitation technologies.

Material and methods

It was conducted an open, prospective, randomized research of 146 patients with HCV-associated LC, among them 59 (40,4%) women, 87 (57,6%) men, average age was $38,4 \pm 1,7$ years old. 35 healthy persons comparable by gender and age were the control group.

Clinic-laboratory and epidemiologic data set were taken into account in diagnosis: presence of RNA hepatitis virus C during more than 6 months, another serologic markers which identified by hard phase immune-ferment analysis (IFA) with utilizing test-systems of CJSC "Vector-Best" (Novosibirsk, Russia), which are approved to the using in Russia by Order of the Ministry of Healthcare from 30/10/2004, N 384 and method polymerase chain reaction (PCR) with utilizing test-systems of CJSC "Vector-Best" (Russia) and of CJSC "DNA-technology" (Moscow, Russia).

The criteria of including into research: young age people with estimated diagnosis HCV-associated LC with middle and minimal inflammatory activity process in liver, which assessed by level alanine- (ALT) and aspartataminotranspherase (AST), common bilirubin,

common protein, γ -glutamyltranspeptidase (GGTP), γ -globulins in the blood (no more 5-grade norm overdrawn) according acting classification of research of FSO "Scientific Institute Rosmedtechnology"

All patients with HCV were excluded another liver pathology like viral (by markers viral hepatitis A and D, HIV), autoimmune, medicinal etiology and alcohol and narcotic dependence also, having endogenous psychotic diseases and additional somatic pathology in decompensation stage.

All patients gave voluntary informed consent for participation in research.

Blood for immune research was received by ulnar vein puncture in sterile conditions in the morning (8-9 a.m.) on an empty stomach. Blood was taken to vial VACUTAINER, which contains disodium salt of EDTA in 2,5 ml volume.

Identification of population and subpopulation blood lymphocytes were by running cell-flowmeter method with using monoclonal antibodies (Beckman Coulter, USA). Differentiation clusters of the CD3+ (T-lymphocytes), CD4+ (T-helpers), CD8+ (cytotoxic T-lymphocytes), CD16+ (natural killer cells), CD25+ (activated T- и B-cells), CD95+ (cells with markers negative activation) were identified. The results of cells identification were expressed in absolute and relative rates.

Phagocytic activity of leucocytes was evaluated in latex-text; oxygen-depending metabolic activity – in test restoration nitro blue tetrazolium (NBT-test).

The functional activity of lymphocytes were estimated by reaction of the lymphocytes blast-transformation (RBTL) on A. Boyum's method (1968).

Humoral chain of immune system of patients were assessed by level of immunoglobulins of main types (Ig G, Ig A, Ig M) with utilizing of the immunochemical analyzer SYNCHRON CX5 PRO (Beckman Coulter).

Concentration in blood serum of circulating immune complexes (CIC) was estimated by polyethylene glycol precipitation reaction (PEG m.m. 6000).

Estimating the level of cytokines in blood (interleukin 1 β , 6 (IL-1 β , IL-6), alfa tumor necrosis factor (TNF α)), anti-inflammatory cytokines – interleukin 4 and 10 (IL-4, IL-10) was undertaken by method of hard-phase immune-enzyme analyses with using test-system "Protein contour" (Saint Petersburg, Russia).

This research was approved by ethical committee of BSMU and complies with norms of Helsinki declaration (2000).

Statistical data processing was made by Program "Statistics for Windows, version 7,0". At preliminary stage received data were checked for normality of distribution by Shapiro-Wilk method, assessment validity by parametric and non-parametric criteria. The criterion χ^2 with Yets' amendment was used for comparison value. Distortion differences validity was prevented with the Bonferoni's amendment.

The results of research

The retrospective analysis of the clinical data of patients with HCV-associated LC showed prevalent of asthenic -vegetative syndrome and existing mild pain in right subcostal area. The biochemical components analysis among patients estimated an increase of alanaminotranspherase level (ALT) till $2,66 \pm 0,27$ mmol/l in the blood serum against control $0,63 \pm 0,03$ mmol/l, aspartataminotranspherase (AST) till $1,48 \pm 0,17$ mmol/l, against $0,34 \pm 0,06$ mmol/l, level of common bilirubin till $18,97 \pm 0,97$ mmol/l against $12,9 \pm 0,67$ mmol/l, γ -glutamyltranspeptidase (GGTP) till $78,9 \pm 21,76$ un/l against $43,7 \pm 7,7$ un/l (control group). The concentration of common protein was $74,97 \pm 1,57$ g/l and γ -globulins $22,31 \pm 2,32\%$ against $71,8 \pm 1,3$ mmol/l and $24,6 \pm 2,7$ mmol/l. Investigation of the condition of the immune and cytokine status among patients with HCV-associated with LC estimated the prominent dysfunction presence of immune system in all chains of the immunity. The indicators analysis of the immunity components presented in the table 1 revealed the decrease of the leucocytes amount of 19,8%, lymphocytes of 37,9% in comparison to control group.

The lymphocytes components study in blood among patients with HCV showed the decrease of CD3+ cells of 16,15% ($p < 0,05$), CD4+ of 30,8% ($p < 0,05$), CD25+ of 61,47% ($p < 0,05$), CD16+ of 32,56% ($p < 0,05$), an increase in the number of cytotoxic lymphocytes (CD8+) of 29,68% and CD 95+ cells - 61,96%.

The decrease in the number of CD4+ and CD25+ lymphocytes among patients with HCV may indicate the lack of T-part immunity, an increase in the number of CD8+ cells is evidenced of the cytotoxic response activation. An increase in the number of CD95+ cells may reflect the activation process of apoptosis lymphocytes among patients with HCV.

The phagocytic activity decrease of neutrophils among patients with HCV associated LC of 22,03% ($p = 0,002$) reflects the suppression of the natural immunity factors.

Table 1

Indicators of immune components among patients with HCV associated LC ($M \pm m$)

Indicators	Control group (n=35)	Patients with LC (n=146)
Leucocytes ($\times 10^9 / l$)	$8,1 \pm 0,24$	$6,6 \pm 0,22^*$
Lymphocytes ($\times 10^9 / l$)	$2,9 \pm 0,15$	$1,8 \pm 0,30$
CD3+CD19-, (%), abs. ($\times 10^9 / l$)	$41,4 \pm 2,1$ $1,2 \pm 0,05$	$51,4 \pm 2,40^*$ $0,93 \pm 0,03$
CD3-CD19+, (%) abs., ($\times 10^9 / l$)	$15,7 \pm 1,07$ $0,15 \pm 0,01$	$12,58 \pm 1,10^*$ $0,23 \pm 0,02$
CD3+CD4 +, (%), abs. ($\times 10^9 / l$)	$42,9 \pm 1,30$ $0,95 \pm 0,04$	$32,7 \pm 1,32^*$ $0,66 \pm 0,05$
CD3+CD8 +, rel. (%) abs. ($\times 10^9 / l$)	$21,9 \pm 1,3$ $0,676 \pm 0,03$	$28,4 \pm 1,7$ $0,877 \pm 0,03$
IRI (CD4+/CD8+)	$1,95 \pm 0,14$	$1,14 \pm 0,15$
CD3-CB16+ rel. (%) abs. ($\times 10^9 / l$)	$18,98 \pm 0,67$ $0,246 \pm 0,01$	$12,80 \pm 0,70$ $0,166 \pm 0,008$
CD3+CD 25+, rel. (%) abs. ($\times 10^9 / l$)	$20,40 \pm 1,30$ $0,086 \pm 0,04$	$7,86 \pm 1,20$ $0,034 \pm 0,03$
CD3+CD95+, rel. (%) abs. ($\times 10^9 / l$)	$5,6 \pm 0,87$ $7,3 \pm 0,4$	$9,07 \pm 0,5^*$ $11,82 \pm 0,5$
Phagocytic activity of leucocytes, %	$54,13 \pm 1,60$	$42,20 \pm 1,50$
Amount of NBT-positive cells, % (spontaneous test)	$9,01 \pm 0,87$	$10,98 \pm 0,71$
RBTL, % (spontaneous)	$1,97 \pm 0,20$	$0,91 \pm 0,11^*$
IgA g/l	$1,89 \pm 0,13$	$1,98 \pm 0,120$
IgM g/l	$1,19 \pm 0,03$	$1,87 \pm 0,03$
IgG g/l	$14,47 \pm 0,74$	$15,98 \pm 0,64$
Complement activity Un.	$63,7 \pm 2,3$	$71,4 \pm 3,8$
CIC, units (till 90)	$70,6 \pm 4,6$	$76,55 \pm 4,4$

* on $p < 0,05$ in comparison to control group

The Identified changes may be assessed as an inadequacy functioning of cytotoxic lymphocytes in shift balance of Th1/Th2 lymphocytes that is pathogenic attribute of inadequacy functioning immune system in HCV-associated with LC.

The study of the Ig level among patients with HCV-associated LC didn't show significant differences, however the increase of content in blood IgM was noted in 1,3 times which notifies about the chronic

infection processes activation and the humoral chain reaction of immunity.

An increased content of circulatory immune complex was found of 8,4%, decrease in complementary activity blood serum in 1,1 time and content of spontaneous NBT test of 18,4% ($p=0,02$) in comparison with the control group which indicates the decrease of the phagocyte system response to the activating factor.

Table 2

Serum cytokine content among patients with HCV-associated LC ($M \pm m$)

Indicators, pc/ml	control group (n=35)	patients with LC (n=146)
IL-1 β	$8,2 \pm 0,42$	$12,6 \pm 0,53^*$
IL-6	$15,2 \pm 1,63$	$52,7 \pm 4,90^*$
TNF- α	$19,01 \pm 1,90$	$78,40 \pm 4,80^*$
IL-4	$12,95 \pm 1,42$	$65,20 \pm 19,20^*$
IL-10	$8,3 \pm 0,51$	$6,2 \pm 0,39$

* on $p < 0,05$ in comparison with control group

The function of immune system is formed on the balance of chains Th1/Th2 based on equivalent products of the regulatory cytokines.

The analysis of initial level of cytokines made by us among patients with HCV-associated LC revealed significant enhancing of production pro-inflammation cytokines (IL-1 β , IL-6, TNF- α) and the decrease in anti-inflammatory cytokines in comparison to control group (table 2).

The synthesis IL in blood serum of patients with HCV-associated LC was higher on 53,6% ($p < 0,05$), TNF- α increased in 4 times in comparison to control which reflects increased activation of inflammatory process.

The level of anti-inflammatory cytokines among patients with HCV-associated LC was lower values than control group, for example, IL-10 on 25,3% ($p < 0,05$).

The increase in the level of IL-4 characterizes the immune response mainly on Th2 that as known impedes the development of immune response with the producing immunodeficiency [9].

Discussion

The results of conducted investigation of patients with HCV-associated LC show changes in all parts of immune system: suppression of T- and B- chains of immunity, number of immuno-regulatory cells, indicators of humoral chain of immunity and phagocytosis and production of cytokines too.

The appearance of the receptor (CD95+) in T-lymphocytes FaS is necessary for the mitotic activity and its expression reflects the cells readiness to apoptogenic signal reception only. An increase in the level FaS (CD95+) in HCV leads to the development of the immune imbalance characterized by damaging lymphocytes population [9,10]. According to our information the level cells FaS (CD95+) was in within the normal range and didn't exceed the range possible fluctuations. Patients with HCV associated LC were observed the increasing the level of pro-inflammatory cytokines, reflected the extent of damage of hepatocytes that show immune-inflammatory and cytolytic processes. Estimated changing were assessed by us as the demonstration of cytotoxic lymphocytes insolvency that is the pathogenic sign of inadequacy functioning of immune system.

Conclusion

1. Immune damages among patients with HCV-associated LC were characterized hyperactive immune response, stimulation CD8+ lymphocytes, cytokines imbalance with hyper-function TNF- α and accumulation pathologic circulating immune complex.

2. The imbalance found in cytokine system with the domination pro-inflammatory elements contributes to the maintenance of the cascade reactions.

References

1. Karpov SJu, Krel' PE. Spektr i prognosticheskaja znachimost' sistemnyh provajlenij pri HGS nizkoj aktivnosti. Spectrum and prognostic significance of systemic manifestations in chronic hepatitis C of low activity. Terapevticheskij arhiv. 2005;(2):59-65. (In Russ.)
2. Zhukova EA, Kaplina NA, Romanova SV, Groshovkina MV, Timchenko IA, Majanskaja IV, Tolkacheva NI, Korkotashvili LV. Izmenenija citokinnogo statusa pri hronicheskikh virusnyh hepatitah V i S u detej. Changes in the cytokine status in chronic viral hepatitis B and C in children. Citokiny i vospalenie. 2009; (4):41-45. (In Russ.)
3. Stilidi E, Kljaritskaja I. Prognosticheskaja znachimost' provospalitel'nyh citokinov pri hronicheskikh virusnyh hepatitah B i Tse. Prognostic value of proinflammatory cytokines in chronic viral hepatitis B and C. Vrach. 2013;(3):75-78. (In Russ.)
4. Red'kin JuV, Dron' EV. Immunnyj i citokinovyj status u bol'nyh hronicheskim virusnym hepatitom S pri ispol'zovanii protivovirusnogo sredstva Panavir i immunomoduljatora Galavit. Citokiny i vospalenie. Immune and cytokine status in patients with chronic viral hepatitis C using the antiviral agent Panavir and the immunomodulator Galavit. Cytokines and inflammation. 2007; 6(1):40-46. (In Russ.)
5. Ivashkin VT, Lobzin JuV, Storozhakov GI, Jushhuk ND, Ambalov JuM, Blohina NP, Vinogradova EN, Gejvandova NI, Gorbakov VV, Egorov AG, Zhdanov KV, Zakirov IG, Korochkina OV, Kuznecova AV, Lazebnik LB, Lopatkina TN, Maevskaia MV, Makarova MV, Malov IV, Morozov VG, Nikitin IG, Nikolaeva NN, Postnikova TN, Romanenko OM, Ruzaeva LA, Saharova EG. Jeffektivnost' i bezopasnost' 48-nedel'noj terapii peginterferonami α -2a i ribavirinom u pervichnyh bol'nyh hronicheskim hepatitom S. Klinicheskaja farmakologija i terapija. Efficacy and safety of 48-week therapy with peginterferons α -2a and ribavirin in primary patients with chronic hepatitis C. Clinical pharmacology and therapy. 2007;16(1):1-5. (In Russ.)
6. Abdurahmanov DT. Hronicheskij hepatit V i D. Chronic hepatitis B and D. M. GJeOTAR-Media, 2010; 286. (In Russ.)
7. Fuks M. Gepatit. Racional'naja diagnostika i terapija. Hepatitis. Rational diagnosis and therapy. M. GJeOTAR-Media, 2010; 242. (In Russ.)
8. Fried MW, Shiffman ML, K Reddy R, Smith C, Marinos G, Gonçales Jr. FL, Häussinger D, Diago M, Carosi G, Dhumeaux D, Craxi A, Lin A, Hoffman J, Yu J. Peginterferon alfa a plus ribavirin for chronic hepatitis C virus infection. N Engl J Med. 2002; 347: 975-982.
9. Manns M, McHutchison J, Gordon S. Kinetic of virological response during Peg- IFNS in chronic hepatitis C. J. Hepatol. 2004; 40: 490.
10. Mialhes P, Trepo C. L'histoiri naturelle de l'infection par le virus de l'hepatite C. Med Mal Infec. 2000; 30:8-13.
11. Vorob'ev AA, Bykov AS, Karaulov AV. (red.) Immunologija i allergologija. M. Prakticheskaja meditcina, 2006; 288. (In Russ.)

PEDAGOGICAL SCIENCES

MATHEMATICAL REGULARITY AND DEVELOPMENT OF CREATIVE THINKING OF STUDENTS

Djumaev M.

Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Tashkent. (Uzbekistan)

MATHEMATISCHE REGELMÄßIGKEIT UND ENTWICKLUNG DES KREATIVEN DENKENS DER SCHÜLER

DJumaev M.

Professor Staatliche Pädagogische Universität von Taschkent.Unterteil.Taschkent. (Usbekistan)

Abstract

For the mathematical regularity and the development of students' creative thinking, the selection of a system of tasks can become an effective means of developing students' creative thinking in the process of solving problems, if it is based on specific principles arising from the basic laws of the processes of creativity and teaching mathematics.

Abstrakt

Für die mathematische Regelmäßigkeit und die Entwicklung des kreativen Denkens der Schüler kann die Auswahl des Aufgabensystems ein wirksames Mittel zur Entwicklung des kreativen Denkens der Schüler im Prozess der Problemlösung sein, wenn die spezifischen Prinzipien, die sich aus den grundlegenden Mustern der Kreativität und des Lernens der Mathematik ergeben, auf ihre Grundlage gestellt werden.

Keywords: Education, learning, tasks, mathematics, geometry, solutions, students' thoughts, teaching methods.

Schlüsselwörter: Bildgebung, Lernen, Lernen, Mathematik, Geometrie, Lösungen, Mкшения der Schüler, Methodik der prepodavaniya.

Um das kreative Denken der Schüler zu entwickeln und das Interesse am Unterricht zu erhöhen, ist es unserer Meinung nach notwendig, interessante Aufgaben auszuwählen. Die für den Unterricht ausgewählten Aufgaben müssen ein bestimmtes System bilden, das der gewählten Methodik entspricht und einem bestimmten Lernziel entspricht.

Die Entwicklung eines Systems bei der Lösung von Problemen ist eine schwierige Angelegenheit. In der methodischen Literatur sind noch keine allgemeinen wissenschaftlich fundierten Kriterien für die quantitative und qualitative Auswahl von Aufgaben und deren logische Verteilungsfolge für jedes Thema formuliert.

Es sollte beachtet werden, dass das ausgewählte Aufgabensystem bestimmte methodische Anforderungen erfüllen muss:

1. Eine klare Definition des didaktischen Ziels des gesamten Aufgabensystems und jeder einzelnen Aufgabe.

2. Die Reihenfolge der Komplikation.

3. Das System muss alle Arten von Aufgaben abdecken (Berechnung, Konstruktion, Beweis und Forschung). Dies hilft bei der Suche nach verschiedenen Möglichkeiten, die gleiche Aufgabe zu lösen, und bietet auch reichlich Material und große Möglichkeiten für Aufgaben und deren Lösung.

Der Inhalt der Aufgabe sollte von den Zielen des Mathematikunterrichts am Gymnasium

stammen. Die Frage in der Aufgabe zu stellen, sollte in der Regel real sein. Die Assimilation der Aufgabe muss spezifisch sein, und die Auswahl der richtigen Daten sollte sowohl kognitiven als auch praktischen Wert haben.

Es sollte angemerkt werden, dass die ausgewählten Aufgaben als Ganzes und jede einzelne Aufgabe einen pädagogischen Wert hätten, wenn der Systembetreiber die folgenden Fragen beantworten könnte:

1. Welches Ziel verfolgt diese Aufgabe?

2. Brauchen Sie genau diese Aufgabe und nicht eine andere ?

3. Warum werden solche und nicht andere spezifische Daten in die Aufgabe aufgenommen ?

4. Wie interessant die Aufgabe für die Schüler ist, bewirkt sie

haben die Schüler ein Interesse an einer Antwort und einer Lösung ? Was genau ?

Kann man dieses Interesse nicht erhöhen ?

5. Kann der Schüler diese Aufgabe selbst lösen?

Was muss er dafür wissen, sich erinnern, in der Lage sein?

6. Inwieweit sollte ihm der Lehrer im Falle einer Behinderung helfen ?

7. Was wollen wir von den Schülern bei der Lösung dieser Aufgabe erreichen?

8. Wie hat diese Aufgabe mit den vorherigen und nachfolgenden Arbeiten des Schülers zu tun?

Bei der Auswahl eines Aufgabensystems, um das kreative Denken der Schüler zu fördern, müssen

die didaktischen Prinzipien des Lernens berücksichtigt werden.

Die Aufgabenstellung im Laufe des Lernens der Grundlagen der Wissenschaften, die Prinzipien ihrer Auswahl werden theoretisch und praktisch gelöst. Diese Probleme wurden in den Werken der Gelehrten, Pädagogen und Psychologen: L. M. Friedman und andere.

"Die Lösung von Aufgaben als grundlegende Lernmethode, als Methode zum Erwerb neuer Kenntnisse durch die Schüler, ist unserer Meinung nach der Weg, um das Problem der Entwicklung der Schüler zu lösen." Der Autor glaubt auch, dass die Lösung Pädagogischer Aufgaben in Fragen der Anwendung der Lehre wäre nicht möglich ohne die logisch-psychologischen Analyse der Struktur und Arten von Aufgaben, die in dieser Ausbildung verwendet werden.

Die Auswahl eines Aufgabensystems kann ein wirksames Mittel zur Entwicklung des kreativen Denkens der Schüler bei der Lösung von Problemen sein, wenn es auf spezifischen Prinzipien basiert, die sich aus den grundlegenden Mustern der Kreativität und des Mathematikunterrichts ergeben.

Die Beschreibung solcher Prinzipien definiert die Struktur eines gegebenen Materials mit einer allgemeinen Ausrichtung auf die Verbesserung der heuristischen Funktion geometrischer Aufgaben. Es wird über zwei Prinzipien der Systematisierung von Übungen sprechen - das Prinzip der ständigen Zunahme der Komplexität der vorgeschlagenen Aufgaben und das Prinzip der "Führung zur Entdeckung". Diese regulatorischen Bestimmungen bestimmen die Art der Entwicklung sowohl einer einzelnen gegebenen Linie als auch des gesamten Systems als Ganzes.

Was die Möglichkeiten betrifft, die Aufgabe zu erschweren, können sie auf der Grundlage eines der Grundgesetze der Dialektik - des Gesetzes der Negation - aufgebaut werden. Nach diesem Gesetz wird die Änderung einer Aufgabe durch eine andere nicht nur auf der Grundlage der Unterschiede zwischen ihnen, sondern auch auf der Grundlage einer bestimmten Verbindung, der Kontinuität zwischen ihnen, erfolgen. Die neue Aufgabe, die alte zu ersetzen, wird nicht nur die letzte leugnen, sondern sie in einer bestimmten Form halten (behalten). Dies ermöglicht den umgekehrten Übergang von einer komplexen (nachfolgenden) Aufgabe zu einer einfacheren (vorherigen) Aufgabe.

Eine solche gegenseitige Durchdringung qualitativ verschiedener Aufgaben, die ein Glied einer gegebenen Linie bilden, ist eine notwendige Voraussetzung für die Umsetzung eines wichtigen methodischen Empfangs - die Information einer komplexen Aufgabe zu ihrer Verwandten durch einfaches Entfernen bestimmter Bedingungen. Im Gegenzug wird die Aufrechterhaltung bestimmter Beziehungen zwischen Aufgaben die Möglichkeit bieten, Wissen von einer Lernsituation in eine andere zu übertragen und sie anschließend zu verallgemeinern.

Die natürliche Verbindung zwischen den folgenden und früheren Aufgaben in jedem der Glieder einer gegebenen Linie ergibt sich aus der inneren Einheit qualitativ unterschiedlicher Ebenen der Inhaltsgrundlage ihrer Organisation. Diese Einheit bewirkt die Ganzheit und Selbstentwicklung (Selbstreproduktion) jedes Gliedes, jeder gegebenen Linie und des gesamten Systems als Ganzes.

Im traditionellen Lernen wird jede Aufgabe normalerweise als eine kognitive eingeschränkte Lerneinheit angesehen. Dies führt dazu, dass der Schüler in der Regel nach Erhalt einer Antwort, die den Anforderungen der Aufgabe entspricht, nicht darüber nachdenkt, was er sonst noch aus den Bedingungen der Aufgabe lernen kann. Aber in den betrachteten Situationen (einschließlich Standard) können Fragen viel interessanter sein als die, die in den Aufgaben selbst aufgeführt sind.

Zum Beispiel: Die Schüler beweisen, dass der in den Kreis eingeschriebene Winkel der Hälfte des Bogens entspricht, auf dem er sich stützt, d.

$$\angle \alpha = \frac{1}{2} \bar{AB}, \text{ h. } \alpha = \angle ACB, \text{ wo der in}$$

den Kreis eingeschriebene Winkel ist.

Nach dem Beweis dieses Satzes kann der Lehrer diese Aufgabe wie folgt erschweren: Gibt es einen Punkt außerhalb des Kreises, der die Spitze eines Winkels ist, der sich auf denselben Bogen stützt und gleich ist α ?

Im Unterricht entsteht eine problematische Situation. Es wird vorgeschlagen, zunächst die Frage zu klären: Gibt es einen solchen Punkt außerhalb des Kreises?. Jeder Schüler kann die Zeichnung ruhig und ohne Eile ausführen. Kennzeichnen .

Lassen Sie A_1 und B_1 die Schnittpunkte der Schnittpunkte CA und C mit einem $\angle ACB = \varphi$. Kreis sein.

Betrachten wir einen Fall, in dem keine der geraden CA und SV tangential zum Kreis ist. Ein Schüler schlägt vor, den Abschnitt BA_1 zu durchlaufen und die Winkel $\alpha = \angle BA_1B_2$ und $\beta = \angle A_1BC$. zu betrachten.

Das Angebot wird angenommen. Danach bemerken die Schüler aus der Zeichnung, dass der Winkel der äußere Winkel des Dreiecks CA_1B bei der Spitze A_1 ist. Dann = $\alpha = \varphi + \beta$, wo $\varphi = \alpha - \beta$, wo $\alpha = \angle BA_1B_2$ und $\beta = AA_1BC$ in den Kreis eingeschriebene Winkel sind, die sich jeweils auf den Bögen AB und A_1S_1 stützen.

$$\varphi = \frac{1}{2} (\bar{AB} - \bar{A_1B_1}). \text{ So sehen jetzt schon}$$

viele in der Klasse, $\varphi < \alpha$ dass es solche Punkte im betrachteten Fall außerhalb des Kreises nicht gibt. Als Hausaufgabe oder außerhalb der vorgegebenen Zeit wird vorgeschlagen, den Fall selbst zu untersuchen, in dem eine der geraden CA, CB oder beide Tangenten zum Kreis sind.

Danach gehen die Schüler im Unterricht weiter, um die folgende Frage zu klären: Gibt es einen solchen Punkt innerhalb des Kreises, der die Spitze eines Winkels ist, der sich auf denselben AB- und gleichen Bogen stützt α ?

Nachdem sie eine Zeichnung erstellt und die einzelnen Daten darauf markiert haben, gehen die Schüler zur Diskussion über. Einer der Schüler schlägt vor, direkte AC und Sonne zu halten. Der Vorschlag wird angenommen, da sie den Verlauf der weiteren Überlegungen sehen. Sei A_1 und B_1 die Schnittpunkte von geraden AC und Sonne mit einem Kreis. Verbinden wir die Punkte B und A_1 mit einem geraden Bild.

Aus der $\varphi = \angle ACB$ Zeichnung wird festgestellt, dass der gewünschte Winkel der äußere Winkel des Dreiecks $\alpha = \angle AA_1B, \beta = \angle A_1BB_1$ an der Spitze von C $\varphi = \alpha + \beta$ ist. Dann $\alpha = \angle AA_1B, \beta = \angle A_1BB_1$ in den Kreis eingeschriebene Winkel sind,

die sich jeweils auf den Bögen AB und A_1B_1 stützen.

$$\text{Daher ist die Frage } \varphi = \frac{1}{2}(A\bar{B} + A_1\bar{B}_1),$$

welche Aufgaben als Ausgangsaufgaben ausgewählt werden sollen, ausreichend komplex.

Es besteht jedoch kein Zweifel, dass in allen Knotenpunktthemen des Schulkurses Geometrie Übungen zur Identifizierung der vollständigsten Informationen aus diesen Aufgabenbedingungen erforderlich sind.

Abschließend stellen wir fest, dass die Auswahl eines Aufgabensystems zur Entwicklung des kreativen Denkens der Schüler durch die Wirkung

der Prinzipien der allmählichen Zunahme der Komplexität der vorgeschlagenen Aufgaben und der "Entdeckung" die Grundlage für einen vielseitigen und gleichzeitig ganzheitlichen Einfluss auf die Persönlichkeit des Schülers ist.

References

1. Mirziyoyev SH.M. Buyuk kelajagimizni mard va oljanob xalqımız bilan birga quramiz. Toshkent, "O'zbekiston", 2017 yil, 488 bet.
2. Mirzijew S. M. Wir werden gemeinsam einen freien, demokratischen und protsleuchtenden Staat Usbekistan aufbauen. Taschkent: "Usbekistan", 2016. 56 S.
3. Driga, VI Entwicklung der beruflichen Laufbahn des modernen Pädagogin den Bedingungen der kreativen Bildung / VI Driga // Standards und Überwachung in der Bildung.— 2012.— № 4.- S. 48-51
4. Zhumaev M. Methodik des Unterrichts von Mathematik für Grundschulklassen. Lehrbuch. Turonikball. Taschkent, 2016. 426 s.
5. Zur Aktionsstrategie für die weitere Entwicklung der Republik Usbekistan// Aktionsstrategie für die Entwicklung der Republik Usbekistan in den Jahren 2017-2021. Vom 7. Februar 2017, Nr.
6. Davydov VV Psychologische Theorie der Lerntätigkeit und der anfänglichen Ausbildung, die auf einer inhaltlichen Verallgemeinerung basieren. - Tomsk, 1992. -112s.
7. Friedmann. M. Wie man lernt, Probleme zu lösen. Moskau.: Aufklärung 2005. 132.
8. Peterson L. G. Simulation als Mittel zur Bildung von Vorstellungen über den Begriff der Funktion in 4-6 High School. Dis. auf Soisk. uch step. kand. ped. Wissenschaften. -M., 1984. -201s.

LIFELONG EDUCATION AT THE UNIVERSITY: EXPERIENCE AND PROBLEMS

Mulikova S.

Doctor of Pedagogy, Professor

Karaganda University of Kazpotrebsoyuz

Karaganda, Akademicheskaya st., 9

Abdakimova M.

Karaganda University of Kazpotrebsoyuz,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Karaganda, Akademicheskaya st., 9

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Муликова С.А.

доктор педагогических наук, профессор

Карагандинский университет Казпотребсоюза

г. Караганда, ул. Академическая, 9

Абдакимова М.К.

кандидат педагогических наук, профессор

Карагандинский университета Казпотребсоюза

г. Караганда, ул. Академическая, 9

Abstract

The implementation of the education development policy should be aimed at ensuring accessibility and inclusiveness, improving the quality of education at all levels, developing functional literacy, providing continuing professional education and training personnel that meet both the current demands of the labor market and the future economy. The current trend in the education system is the development of continuous professional education ("education throughout life"): the modernization of formal education through the development of new educational programs, the creation of tools and conditions for the implementation of non-formal professional education. A significant step in the system of continuing professional education is the creation of this system itself.

Аннотация

Реализация политики развития образования должна быть нацелена на обеспечение доступности и инклюзивности, повышение качества образования на всех уровнях, развитие функциональной грамотности, обеспечение непрерывного профессионального образования и подготовку кадров, отвечающих как текущим запросам рынка труда, так и будущей экономики. Актуальный тренд в системе образования - это развитие непрерывного профессионального образования («образования через всю жизнь»): модернизация формального образования через разработку новых образовательных программ, создание инструментов и условий для реализации неформального профессионального образования. Значительным шагом в системе непрерывного профессионального образования является создание самой этой системы.

Keywords: continuing professional education, formal education, non-formal education, informal education

Ключевые слова: непрерывное профессиональное образование, формальное образование, неформальное образование, информальное образование

В Казахстане в 2021 году была утверждена «Концепция обучения в течение всей жизни (непрерывное образование)». В предисловии Концепции выделены предпосылки необходимости модернизации образования - во-первых, ускоряется процесс обновления знаний и технологий, появляются новые научные области; во-вторых, увеличивается разрыв между требованиями работодателей и квалификацией выпускников организаций образования [1]. В указанном документе определены проблемные зоны в системе организации и реализации непрерывного образования. Назовем некоторые из них: отсутствует мониторинг качества услуг, предоставляемых организациями неформального образования; не предусмотрены процедуры лицензирования, сертификации, аттестации и аккредитации краткосрочных программ и курсов; нет официальной статистики количества организаций, предоставляющих услуги неформального образования; низкая вовлеченность взрослого населения в непрерывное образование; 50% граждан Казахстана достигает только второго уровня развития навыков читательской и математической грамотности; большая доля взрослого населения после получения формального образования перестает обучаться.

Изучением понятия «непрерывное образование», содержанию, структуре, тенденциям развития непрерывного образования в педагогических исследованиях уделено большое внимание [2-6]. Но несмотря на имеющийся практический отечественный и зарубежный опыт, и теоретические концепции, исследуемое направление недостаточно законодательно, нормативно и процессуально разработано. Понимание необходимости и значимости непрерывного образования в целом в обществе имеется, практика реализации представлена различными формами (тренинги, курсы, семинары и т.д.). Однако отсутствует официально признанное на государственном уровне системное видение непрерывного образования с его составляющими:

формальное, неформальное и информальное образование.

Карагандинский университет Казпотребсоюза начал работу по реализации системы непрерывного образования, которое согласно методологическому исследованию, проведенному ЮНЕСКО, структурно должно быть представлено следующим образом:

образование на протяжении всей жизни;
образование взрослых;
непрерывное профессиональное образование.

Непрерывное профессиональное образование или образование через всю жизнь может быть реализовано через формы – формальное, неформальное информальное образование. Формальное образование представлено в университете трехуровневой системой «бакалавриат – магистратура – докторантурой». Неформальное образование – курсами повышения квалификации, семинарами, тренингами. Информальное образование, «которое является целенаправленным или спланированным, но не институционализированным» [1], реализуется через «платиновые лекции» (лекции ведущих специалистов от бизнеса и производства), мастер-классами от топ-менеджеров, выездными занятиями на производство и т.д.

В данной статье остановимся на реализации в университете неформального образования.

С 2015 года по 2018 год КаРУ Казпотребсоюза был участником международного проекта ERASMUS+ ППВО «Создание центров развития компетенций и потенциала к трудуустройству». Цели Проекта: концептуализация и учреждение Центров развития компетенций и потенциала к трудуустройству в вузах стран-партнеров с предложениями для внутренних и внешних целевых групп.

В результате работы международного проекта была разработана базовая модель компетенций, которая и была положена в основу деятельности Центров по развитию компетенций и потенциала к трудуустройству.

Были определены 10 ключевых компетенций для Центра по развитию компетенций и потенциала к трудуоустройству: 1. Коммуникативные и языковые навыки. 2. Аналитические и критические навыки. 3. Самоменеджмент и самообразование. 4. Инициатива и предпринимчивость. 5. Планирование и организация. 6. Работа в команде и лидерство. 7. Социально-культурная компетенция. 8. Нацеленность на достижение результатов. 9. Навыки работы с компьютерным и программным обеспечением. 10. Фундаментальная математическая, естественнонаучная и техническая подготовка.

Развитие у выпускников данных ключевых компетенций при содействии Центра по развитию компетенций и потенциала к трудуоустройству может осуществляться как через компоненты, включенные в образовательные программы, так и в рамках дополнительного обучения.

В 2018 году в КарУ Казпотребсоюза создан Ресурсный центр. Обобщая опыт работы за два года следует сказать. На 2021-2022 учебный год Ресурсный центр университета предлагал свыше 30 программ дополнительного обучения: курсы повышения квалификации, семинары, тренинги.

КарУ Казпотребсоюза ежегодно на плановой основе проводит мониторинг степени удовлетворенности студентов, работодателей качеством предоставляемых образовательных услуг в КарУ Казпотребсоюза: «Удовлетворенность студентов качеством организации и прохождении производственной практики», «Удовлетворенность студентов НИР в вузе», «Удовлетворенность магистрантов качеством образовательных услуг», «Удовлетворенность студентов качеством образовательных услуг», «Удовлетворенность работодателей выпускниками КарУ Казпотребсоюза и выявление компетенций, необходимых рынку труда».

В маркетинговом исследовании «Удовлетворенность работодателей выпускниками КарУ Казпотребсоюза и выявление компетенций, необходимых рынку труда», работодатели на вопрос: «Какими навыками должен обладать выпускник КарУ Казпотребсоюза, чтобы получить работу в Вашей организации?» ответили, что в первую очередь у выпускника должны быть сформированы «знания в профессиональной деятельности» (71%) и должно быть «желание совершенствоваться и работать над собой» (71%). Далее респонденты отмечают «профессиональную любознательность» (62%), «компьютерную грамотность» (48%), «знания законодательства» (34%). Также основными компетенциями, которыми должен обладать выпускник, по мнению респондентов, являются: общепрофессиональные компетенции: понимание бизнес-процессов деятельности предприятий и их взаимосвязей; умение грамотно вести деловую переписку, составлять отчеты, доклады, другие документы; коммуникационные компетенции: умение презентовать производимый продукт, услугу; способность ясно выражать свои идеи; умение проводить переговоры; аналитические компетенции: системность мышления; аналитическое мышление, способность быстро

осваивать новые знания; инновационные компетенции: видение новых возможностей; способность генерировать новые идеи, инициативность, самостоятельность; поведенческие характеристики: ответственность, дисциплина; способность эффективно использовать время, способность работать в команде и достижение коллективных целей. К частным требованиям к личностным качествам отнесены также стрессоустойчивость; целеустремленность; уверенность в себе, умение вести деловые переговоры и так далее. Кроме требований к характеру и личностным качествам некоторые работодатели также называют такие качества, как приятная внешность, грамотная речь, отсутствие слов-паразитов, опрятность. Это важно для тех видов работ, где происходит непосредственное общение с клиентом (сотрудник call-центра, менеджер по продажам).

Что касается недостатков в трудовой деятельности выпускников КарУ Казпотребсоюза, то работодатели отмечают следующие моменты: применение теоретических знаний на практике (7% всех опрошенных), неуверенность в себе (3%), низкая инициативность и работоспособность (3%), отсутствие системных знаний (3%), неумение работать с документами (2%).

Используя данные исследований, определяются и курсы, предлагаемые Ресурсным центром.

Программы представлены достаточно широким диапазоном тем, направленных не только на наращивание профессиональных навыков и возможностей, но и на развитие личностных качеств и компетенций. Тематика курсов отражает актуальные тренды и реалии в жизни общества, политики, экономики, рынка труда, образования.

Целевой аудиторией программ обучения, предлагаемых Ресурсным центром, являются как внутренние слушатели университета - студенты, ППС, сотрудники университета, внешние заинтересованные стороны.

В структуре дополнительного образования, реализуемого Ресурсным центром, присутствуют:

- курсы, направленные на совершенствование навыков преподавания в образовательных учреждениях: «Интерактивные методики преподавания: традиционный и дистанционный формат», «Развитие профессиональных компетенции у преподавателей», «Сертифицированный университетский преподаватель»; «Дистанционные технологии обучения», «Применение цифровых технологий в дистанционном обучении», «Актуальные проблемы педагогического общения», «Обучение, ориентированное на результат: принципы, методы, формы и технологии», «Профессионально-психологическая подготовка преподавателя».

- курсы, направленные на формирование soft skills: «Тайм-менеджмент», «Эмоциональный интеллект», «Инфографика – новое поколение коммуникаций», «Программа по развитию лидерских компетенций (для школьников и учащихся колледжей)»; «Коммуникативная компетентность»; «Тайм менеджмент»; «Управление проектами: коммерциализация идей»; «Разговорный английский

для школьников старших классов (пять модулей»); «Английский язык (по уровням)»; «Искусство сопрезентации»; «Коммуникативная компетентность»; «Цифровая грамотность»; «Основы 3D-моделирования в среде 3ds Max»; «Начинающий предприниматель»; «Как сохранить и улучшить здоровье»;

- профессиональные курсы для внешних слушателей: «Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов», «Управление в общественном секторе», «Отельный менеджмент», «HR-менеджмент»; «Электронный бизнес»; «Маркетинг – Менеджмент»; «Товароведческая экспертиза»; «Организация нормирования и оплата труда на предприятии»; «Административно-юрисдикционная деятельность ОВД»; «Блокчейн и криптовалюты»; «Как заработать на проблемных клиентах».

Несмотря на большую работу, проводимую в университете по организации и реализации неформального профессионального образования, качество и эффективность этого процесса далека от совершенства. С чем это связано? Остановимся на некоторых причинах. Отсутствие в университете опыта работы в этом секторе образования. Необходимость системной и плановой работы по мониторингу потребностей у потенциальных слушателей в номинации курсов и тренингов. Загруженность профессорско-преподавательского состава учебной и общественной нагрузкой. Непроработанность системы мотивации и оплаты труда лекторов и тренеров предполагаемых курсов. Отсутствие у большей части преподавателей, желающих реализовывать курсы, сертификации и аккредитации. Отсутствие у университета сертификации как института, представляющего неформальное образование.

Подводя итого, следует сказать, что разработка и утверждение в Казахстане соответствующей нормативной и правовой базы реализации обучения в течение всей жизни, создание накопительной системы (банка) кредитов и результатов неформального для признания и подтверждения достижений обучения и установление взаимосвязи между формальным и неформальным образованием позволит КарУ Казпотребсоюзу занять свою нишу в системе непрерывного образования.

References

1. The concept of lifelong learning (lifelong education). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34253317&pos=5;-106#pos=5;-106
2. Bekoeva M.I., Ambalova S.A. Perspective directions of providing continuous education // Modern Scientific Bulletin. 2016. V. 5. No. 2. pp. 188-191
3. Grebennikova V.M., Uzunova G.P. Trends in the development of continuing professional education of teachers // Modern science-intensive technologies. 2020. No. 3. pp. 133-137
4. Kiseleva N.V. Continuous education in the perception of students at different stages of the learning process // Psychologist. 2018. No. 5. pp. 41 - 50
5. Surtayeva N. N., Margolina Zh. B., Lifelong education in the context of the idea of the future: what can a university give to students!?! // Continuous education in the context of the idea of the Future: new literacy. Online: collection of scientific articles based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference (Moscow, Russia, June 18–19, 2020) / comp. N. I. Shevchenko. M.: MGPU, 2020. pp.168-172
6. Fursov K. S., Chernovich E. M. Trends in continuing education // Accreditation in education. 2014. No. 71. pp. 62-63.

PHILOLOGICAL SCIENCES

THE THEME OF CHILDHOOD AND THE «NATIVE WORD» IN THE COLLECTION «NATIVE» BY I.S. SHMELEV

Shestakova E.

candidate of Philological Sciences,

*Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language Humanitarian Institute
of the branch of the Northern (Arctic) Federal University*

ТЕМА ДЕТСТВА И «РОДНОГО СЛОВА» В СБОРНИКЕ «РОДНОЕ» И.С. ШМЕЛЕВА

Шестакова Е.

кандидат филологических наук,

доцент кафедры литературы и русского языка

Гуманитарного института

филиала Северного (Арктического) Федерального университета

Abstract

The article is devoted to the disclosure of the originality of the artistic embodiment of the theme of childhood and the idea of the native word in the collection «Native» by the writer of the first half of the XX century I.S. Shmelev. In the stories, the author raises questions about the role and significance of the reading circle, language for the formation of a person. The works of the Russian classical literature, as well as the folk word, had an important influence on the formation of the future writer.

Аннотация

Статья посвящена раскрытию своеобразия художественного воплощения темы детства и представления о родном слове в сборнике «Родное» писателя первой половины XX века И.С. Шмелева. В рассказах автор поднимает вопросы роли и значимости круга чтения, языка для формирования человека. Произведения отечественной классической литературы, а также народное слово оказали важное влияние на становление будущего писателя.

Keywords: theme of childhood, theme of culture, native language, Russian literature of the first half of the XX century, I.S. Shmelev, stories, verbal mastery.

Ключевые слова: тема детства, тема культуры, родное слово, русская литература первой половины XX века, И.С. Шмелев, рассказы, словесное мастерство.

Тема детства для русского писателя первой половины XX века Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) явилась источником творческого вдохновения в дореволюционный период и духовным спасением после пережитых кровавых событий в Крыму и гибели сына в период эмиграции. В творчестве писателя тема детства как сознательная художественная установка утвердилась уже в первых литературных опытах. В отечественную литературу И.С. Шмелев вступает как автор, пишущий о детях и для детей. В 1905 году им создается рассказ «К солнцу», ориентированный на юного читателя. Вслед за этим появляется немало рассказов о детстве, публикуемых в журналах «Детское чтение» и «Русская мысль». В них детство поэтизируется, предстает периодом духовной чистоты и искреннего, непосредственного взгляда на мир.

Эмиграционный период ознаменован появлением эпопеи «Солнце мертвых» (1923), романа «Лето Господне» (часть 1 – 1927–1931; части 2 и 3 – 1934–1944) и повести «Богомолье» (1931) – вершинных произведений И.С. Шмелева, в которых тема детства обретает неповторимую уникальность, проявляющуюся на всех уровнях текстов – идейно-художественном, образном, языковом.

Детство в эмиграционном творчестве писателя предстает в неразрывной связи с образом родного слова. Тема «культуры», которая «есть родное

слово» [4], объединяет рассказы И.С. Шмелева «Как мы открывали Пушкина» (1926), «Как я узнавал Толстого» (1927) и «Как я стал писателем» (1929–1930). Произведения содержат мотив воспоминаний и построены на автобиографической основе. Память автора-повествователя вычленяет отдельные эпизоды из своей жизни, раскрывающие, как он впервые «встретил <...> живое слово» сначала в «церковном пении», «песнях и говорах рабочего народа из деревни», потом – «в книгах» [4].

Здесь берет начало «редкое словесное мастерство» [3], «умение тонко индивидуализировать персонажей с помощью речи» [1], характерное для произведений И.С. Шмелева периода эмиграции. Чуткость писателя к родному языку, проявленная в детстве и отрочестве, позволила ему в дальнейшем создавать настоящие литературные шедевры, вызывающие восхищение исследователей: «Язык Шмелева привлекает к себе читателя с первых же фраз. <...> Отдаваясь этому стилю, вы чувствуете, что он заставляет вас петь вместе с собой, нестись, спотыкаться, вскакивать, опять нестись, вздыхать, обрушиваться и обрывать рассказ от отсутствия воздуха» [2].

Первая встреча с «живым словом» всегда проходила в детстве. Начальное представление об А.С. Пушкине у повествователя соединилось с

«мясником с рынка», затем – со стихами из «книжечки Ступина» о кораблике, чуть позже – с пушкинскими стихотворными образами зимы, снега, сараем «с нашего двора», салазками, собачкой «Цыганкой» [5]. Все это рождало ощущение «родного», «своего Пушкина» [5]. Следующим этапом в познании поэта и приближении к нему стало важное событие, в котором принимал участие отец рассказчика – подготовка «мест» для торжественного открытия памятника А.С. Пушкину в Москве. Постоянное упоминание имени Пушкина отцом делает его еще ближе ребенку, в буквальном смысле «нашим», подобно родственнику или члену семьи.

Л.Н. Толстой входит в жизнь автора, когда ему исполняется восемь лет. Впервые о писателе он узнает «от парильщика Ивана Хромого, старого солдата» [4]. Мальчик получает от солдата толстовскую книжку «Чем люди живы?» и читает ее. Автор вспоминает свое впечатление от первого знакомства с произведением Л.Н. Толстого: «<...> она мне мало понравилась. Было приятно, что Ангел помог сапожнику – сшил толстому человеку босовику, на смерть, и пожалел хроменьку девочку. Печально от книжки стало» [4]. Следующая книга («Три смерти») сначала воспринимается «страшным рассказом», но затем мальчик понимает, что произведение не относится к этому жанру. Эмоциональное воздействие от чтения второй толстовской книжки было глубже: «Мне стало еще грустнее, чем от «Чем люди живы?». Помнится, я заплакал, как умирала березка» [4]. Юный читатель делает для себя важное открытие – «и в книжке разговаривали люди, – совсем, как у нас на дворе, наши» [4]. Иными словами, обнаруженный героем талант Толстого заключался в представлении человека таким, каким он был в жизни.

В рассказе «Как я стал писателем» автор прослеживает путь открытия и становления своего творческого, писательского дара. Детство было временем существования «писателя «без печати»» [6]. Няня отмечала избыточную говорливость ребенка, сам ребенок, обладая ярким воображением, сначала складывал в своей памяти образы-картины («игрушка, кубик с ободранной картинкой, складная азбутика, с буквой, похожей на топорик или жука, солнечный луч на стенке, дрожащий зайчиком», «ветка живой берески, выросшей вдруг в кроватке, у образка», «краска на дудочке из жести», «черные тараканы на полу», «запах кастрюльки с кашкой») [6], а потом придумывал незамысловатые сюжеты. Весь окружающий ребенка мир был живым, с игрушками, «чурбачками и стружками», «белыми звонкими досками», «с зубастыми пилами» [6], топорами вполне можно было вступить в диалог. В детском миропонимании одинаково одушевлялись плотников, доски, метла. «Белые бревна», «тоненькие стружки», «звонкие зубчики пилы», рубанок не только разговаривали, но и «напевали песни» [6]. Первыми «произведениями» ребенка были самостоятельно придуманные «чудесные сказки» о «добром буравчике, похожем на червячка», который «высыпал дырки-глазки, чтобы доски могли глядеть» [6]. Реальный мир превращался в волшебную сказку: «глухие углы» «сада

<...> казались страной чудесной», там был ««лес», в котором водились «волки» – белые чурбачки» [6]. Бабочка представлялась «большой птицей, с желтыми крыльями», другие бабочки – «красными птичками» [6]. Детское сознание творит из скучной действительности причудливый мир, где старая учительница Анна Дмитриевна Вертес видится «оборотнем», «колдуном», и если ее перекрестить, то она «опрокинется» [6]. Одним из ярких воспоминаний детства становится танцы и общением с Аничкой Дьячковой – «самой красивой девочкой» и рассказывание «сказочек <...> старшим девочкам <...> про пилу, которую плотники наши заставляют пилить доски, а доски плачут и роняют опилки-слезки, и даже пила плачет» [6].

Уже в раннем возрасте в авторе проявился дар рассказчика, о котором писали в воспоминаниях слушатели взрослого Шмелева. Однако самое ценное, что вынес ребенок-Шмелев из своего детства, – общение с народом, от которого перенял настоящие сокровища – речь, народное слово. Многое от «плотников, столяров, штукатуров, кровельщиков, конопатчиков, кузнецов, колесников <...>», «приходивших отовсюду, со всех губерний округ Москвы, со своими рассказами и песнями, <...> со своим говором», «запало в душу» [6] и отразилось потом в произведениях писателя.

Таким образом, в эмиграционных рассказах И.С. Шмелев продолжает развивать начатую в раннем возрасте тему книги, чтения, слова, и, шире, культуры, вступающую в тесную связь с образом детства. Писатель на собственном примере показывает, как важно для формирования человека, его внутреннего мира, широты кругозора чтение и знакомство с «родным словом» – русской литературой, речью народа, обогащающей детское мировосприятие и миропонимание. Отечественная и народная словесная культура, впитанная с детства, оказалась фундаментом, на котором И.С. Шмелев построил свое творчество.

References

1. Dunaev M.M. The spiritual path of I.S. Shmelev / M.M. Dunaev // The Spiritual Path of Ivan Shmelev. – Moscow, 2009. – Pp. 171–197.
2. Ilyin I.A. Creativity of I.S. Shmelev / I.A. Ilyin // Shmelev I.S. Collected works in one book. – Moscow, 2013. – Pp. 5–56.
3. Sorokina O.N. The creative path of I.S. Shmelev in emigration / O.N. Sorokina // The spiritual path of Ivan Shmelev. – Moscow, 2009. – Pp. 60–87.
4. Shmelev I.S. How I learned Tolstoy / I.S. Shmelev // Collected works: In 5 vols. 2. Entry to Paris. Stories. Memories. Journalism. – Moscow, 1998. – Pp. 289–295.
5. Shmelev I.S. How we discovered Pushkin / I.S. Shmelev // Collected works: In 5 vols. 2. Entry to Paris. Stories. Memories. Journalism. – Moscow, 1998. – Pp. 282–288.
6. Shmelev I.S. How I became a writer / I.S. Shmelev // Collected works: In 5 vols. 2. Entry to Paris. Stories. Memories. Journalism. – Moscow, 1998. – Pp. 296–308.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

THE ROLE OF THE FAMILY IN EDUCATION OF THE CHILD DURING THE ADOLESCENT PERIOD

Efilti E.

Assoc. Prof. Kyrgyz-Turkish Manas University, Faculty of Humanities, Depertman of Educational Science, Psychological Counseling and Guidance Program. Bishkek/Kyrgyzstan.

ORCID NO: 0000-0003-1158-5764

Almazova L.

graduate student. Kyrgyz-Turkish Manas University, Faculty of Humanities, Depertman of Educational Science, Psychological Counseling and Guidance Program. Bishkek/Kyrgyzstan.

ORCID NO: 0000-0002-4335-1754

РОЛЬ СЕМЬИ В ВОСПИТАНИИ РЕБЕНКА В ПОДРОСТКОВОМ ПЕРИОДЕ

Эфилти Э.

Доктор психологических наук, доцент

Факультет гуманитарных наук, кафедра педагогики

Отделение психолого-педагогической поддержки и консультирования

Кыргызско-турецкий университет Манас

г. Бишкек, Кыргызстан

ORCID NO: 0000-0003-1158-5764

Алмазова Л.

Факультет гуманитарных наук, кафедра педагогики

Отделение психолого-педагогической поддержки и консультирования

Кыргызско-турецкий университет Манас

г. Бишкек, Кыргызстан

ORCID NO: 0000-0002-4335-1754

Abstrac

This study was conducted to identify the role of the family in the upbringing of a child in adolescence. The study used a descriptive research model. The study group of this study consists of 13 parents with a child in adolescence who participated in the study voluntarily. The study used a semi-structured interview format to collect data. The interview form consists of 5 open-ended questions.

As a result of the analysis of the data, the most common changes in adolescents according to their parents were that the teenager does not want to talk and listen to his parents, he does not know how to control his emotions. Parents of teenagers tried to help their children by talking and answering their questions. When asked about the need for sex education, most parents answered that sex education is necessary so that adolescents do not have sexual intercourse before marriage, and so that they know their physiological changes. When asked who should give sex education, the majority of parents answered that sex education should be given by specialists and parents themselves. When asked what topics sex education should be conducted on, the parents answered: conscious and desired pregnancy, sexual hygiene, venereal diseases.

Аннотация

Данное исследование было проведено с целью выявления роли семьи в воспитании ребенка в подростковом возрасте. В исследовании использовалась описательная модель исследования. Исследуемая группа данного исследования состоит из 13 родителей, имеющих ребенка в подростковом возрасте, которые приняли участие в исследовании добровольно. Для сбора данных в исследовании использовалась полуструктурированная форма интервью. Форма интервью состоит из 5 открытых вопросов.

В результате анализа данных наиболее распространенными изменениями подростков по словам родителей было то, что подросток не хочет разговаривать и слушать родителей, не умеет контролировать свои эмоции. Родители подростков пытались помочь своим детям, общаясь и отвечая на интересующие их вопросы. На вопрос о необходимости полового воспитания, большинство родителей ответили, что половое воспитание необходимо для того, чтобы подростки не вступали половой контакт до брака, и чтобы знали свои физиологические изменения. На вопрос кто должен давать половое воспитание, большинство родителей ответили, что половое воспитание должны давать специалисты и сами родители. На вопрос на какие темы должно проводиться половое воспитание, родители ответили: осознанная и желанная беременность, половая гигиена, венерические заболевания.

Keywords: Adolescence, sex education, relationships between parents and adolescents

Ключевые слова: Подростковый период, половое воспитание, отношения между родителями и подростками

Введение

Семья является важнейшим социальным институтом, который обеспечивает потребности ребенка в любви, заботе, принадлежности, ценности, безопасности, образовании и многие другие подобные потребности и подготавливает его к социальной жизни. Для того чтобы семья выполняла эти функции, эффективные в здоровом развитии ребенка, необходимо обеспечить благоприятную семейную среду. Подростковый возраст, который называют важным переходным этапом в жизни человека, предстает как этап, в котором должен адаптироваться как сам подросток, так и другие члены семьи. В свете литературы и практики видно, что подростковый возраст представляет собой период, в котором отношения с родителями отличаются от отношений в детстве из-за биологических, когнитивных и социальных изменений подростка [1].

Качество взаимодействия с семьей в подростковом возрасте, когда человек претерпевает физическую, когнитивную и эмоциональную трансформацию, может иметь последствия, которые формируют будущую жизнь человека с приобретением здоровой идентичности. Несомненно, на учреждения здравоохранения, учреждения социального обслуживания и образовательные учреждения ложится важная ответственность в решении проблем, с которыми сталкиваются дети или молодежь. Однако наличие всех этих социальных институтов не уменьшает влияние семьи на ребенка и ту роль, которую она будет играть в здоровом развитии ребенка [2].

Отношения, которые подросток устанавливает со своими родителями, составляют ядро отношений, которые подросток будет развивать вне семьи, в школе, со своими друзьями, учителями и в обществе в целом. Следовательно, здоровые отношения между родителями и подростками будут определять здоровье отношений, которые подросток установит в других социальных средах и в обществе. В исследовании, посвященном роли родителей в отношениях подростков со сверстниками, было обнаружено, что подростки, которые установили близкие отношения со своими родителями и были приняты ими, также установили положительные отношения в группе сверстников [3].

Подростковый возраст (10-19 лет) самый ответственный и полный возможностей в жизни человека; Это также время, когда оно уязвимо и полно рисков. Потому что подростковый период; Это время, когда молодые люди гораздо более открыты для рискованного поведения и подвержены его негативным последствиям. Многие исследования, проведенные в последние годы, показали, что в подростковом возрасте наблюдается очень высокая частота рискованного поведения. Среди рискованного поведения, которое можно наблюдать у подростков, высоки незащищенные и небезопасные половые контакты в раннем возрасте, в результате

чего нежелательная беременность и заболевания, передающиеся половым путем [4].

В современных условиях подростки сталкиваются с очень серьезными физическими, экономическими и психосоциальными проблемами в связи с нежелательной беременностью и инфекциями, передающимися половым путем. Различные исследования показывают, что самая высокая заболеваемость венерическими заболеваниями среди сексуально активных групп приходится на подростков [5]. Важнейшим фактором снижения склонности к риску и, следовательно, предотвращения заболеваний в подростковой группе, проблемы со здоровьем которой в основном вызваны рискованным поведением, является повышение правильных знаний, осведомленности и ответственности подростков по этим вопросам. Низкий уровень знаний повышает уровень рискованного поведения, увеличивается уровень половых контактов в раннем возрасте, нежелательной беременности и заболеваний, передающихся половым путем [6]. Сегодня исследователи признают, что половое воспитание в раннем возрасте будет способствовать формированию более здоровой сексуальной жизни во взрослом возрасте [7].

Цель

Целью данного исследования является определение роли родителей при воспитании ребенка в подростковом возрасте.

МЕТОД

Модель исследования

В исследовании использовалась описательная модель исследования, один из качественных методов исследования. Описательная метод исследования позволяет систематически изучать субъективные мнения и опыт исследуемых лиц, а полученные данные можно интерпретировать с научной точки зрения. Описательные методы призваны выявить текущее состояние интересующей и подлежащей исследованию проблемы. Он требует сбора данных для проверки гипотез о текущем положении изучаемого субъекта или для поиска ответов на вопросы.

Группа исследования

Исследуемая группа данного исследования состоит из 13 добровольных родителей, которые проживают в Бишкеке в 2021-2022 году имеющих ребенка в подростковом возрасте, которые приняли участие в исследовании добровольно.

Инструмент сбора данных

Для сбора данных в исследовании использовалась полуструктурированная форма интервью из метода качественного исследования. Интервью определяется как деятельность по выражению чувств и мыслей лиц, участвующих в исследовании по определенной теме. Основная цель интервью – проникнуть во внутренний мир человека и попытаться понять его точку зрения. Предполагается получить ненаблюданную информацию, такую как

переживания, отношения, мысли, намерения, комментарии, ментальное восприятие и реакции человека на изучаемый предмет посредством интервью.

Сбор данных

Во второй части сбора данных использовалась форма интервью. При сборе данных соблюдались этические принципы. Перед началом процесса сбора данных были получены необходимые разрешительные документы. Данные собирались на добровольной основе. При сборе данных участники были предварительно проинформированы об исследовании и дали на это свое согласие. Участники были проинформированы о том, что их личная информация будет конфиденциальна и что данные будут использоваться только для исследования. Голоса участников, давших разрешение, были записаны, чтобы получить более объективные данные.

Процесс сбора данных

Данные были собраны путем личных интервью с родителями, проживающими в Бишкеке в 2021-2022 году. В этом исследовании перед процессом сбора данных участникам была объяснена цель исследования, и было устно заявлено, что их личная информация будет конфиденциальна и что они могут покинуть интервью, если захотят. Интервьюирование было предпочтительным в этом исследовании с точки зрения предоставления исследователю

и участнику гибкости во времени и получения систематической и сопоставимой информации.

Анализ данных

Для анализа данных, полученных в результате исследования, использовался метод контент-анализа. Контент-анализ объединяет схожие данные в рамках определенных понятий и категорий, преобразовывая их в форму, понятную читателю и интерпретирующую их. В этом исследовании при анализе данных использовались следующие процессы. В первую очередь проводились беседы с родителями, эти беседы записывались на диктофон, после окончания бесед необработанные расшифровки голосовых записей переносились в компьютер, голосовые записи родителей прослушивались и были расшифрованы в программе Microsoft Word. При этом аудиозаписи неоднократно прослушивались, и точность проверялась с данными в письменном документе Word.

ВЫВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

В этом разделе приведены выводы и комментарии, возникшие в результате анализа данных, полученных на основе инструментов сбора данных, относящихся к подзадачам исследования.

Анализ ответов участников на первый вопрос исследования «Каковы изменения в подростковом возрасте?» приведен в таблице 1.

Таблица 1:

Изменения в подростковом возрасте

Участники	Ответы	N	%
G1. G2. G.4. G.5. G.6. G.9. G.12. G.13	нежелание разговаривать и слушать родителей	8	14.5
G1.G2.G.4.G.6. G.7. G.10.G11	делает то, что хочет	7	12.7
G1. G.4. G.6. G.12. G.13	грубо отвечает на вопросы	5	9
G1. G.9. G.8. G.10. G.13	неспособность контролировать свои эмоции	5	9
G2. G.5. G.6. G.10	воспринимает себя взрослым	4	7.2
G.4. G.5. G.6. G.13	заботится о том, что думают их друзья о них	4	7.2
G.7. G.10. G11	Четко выражать свои мысли и чувства в ситуациях, которые он хочет и не любит	3	5,4
G.4.G11	стал более ответственным	2	3,6
G.6. G5	алкоголь и курение	2	3,6
G.9. G11	разделение на группы в школе и конфликты между группами	2	3,6
G2.	изменение голоса	1	1,8
G2.	изменение взгляда на жизнь	1	1,8
G2.	Задает много вопросов о религии и смерти	1	1,8
G.3.	Изменение походки	1	1,8
G.3.	Больше ухаживает за собой	1	1,8
G.4.	Пытается планировать свою жизнь	1	1,8
G.4.	Изменение интересов	1	1,8
G.5	Решил жить со своей девушкой	1	1,8
G.5	Говорит что его дома не воспринимают в серьез и давят	1	1,8
G.6.	Сам хочет зарабатывать деньги	1	1,8
G.10	Быстрое овладение новыми навыками	1	1,8
G.10	Сообщить о менструации сразу, не стесняясь и просить о помощи	1	1,8
G.13	Не хочет учиться и говорит, что все плохо	1	1,8
Toplam		55	100

При изучении таблицы 1 изменения в подростковом возрасте, по мнению участников, в основном видятся как (14,5%) нежелание подростков разговаривать и слушать своих родителей. «*Он не хочет*

разговаривать, он не хочет слушать» G.5. «*Равнодушие к семье, ему все равно, даже когда я злюсь, не хочет слушать*» G.6. «*Раньше он делал то, что*

я говорила, теперь говорит, что забыл то что я сказала сделать» G.9.

По мнению некоторых участников, изменения в подростковом возрасте, заключаются в том, что подростки грубо реагируют на своих родителей (9%), не могут контролировать свои эмоции (9%), воспринимают себя взрослыми (7,2%), заботятся о том, что думают их друзья о них (7,2%). «*Отвечает грубо, но потом говорит что пошутила*» G.4. «*Взрослое самовосприятие и логическое мышление*» G.5.

По словам некоторых участников, в подростковом возрасте у него изменился голос (1,8%), изменились взгляды на жизнь (1,8%), он говорил, что дома его все оскорбляют (1,8%), пытался сам планировать свою жизнь (1,8%).

Второй вопрос исследования: «Как вы помогаете своему ребенку в подростковом возрасте?» Анализ ответов участников на вопрос приведен в таблице 2.

Таблица 2:

Как родители помогают своим детям в подростковом возрасте

Участники	Ответы	N	%
G1.G2.G.4.G.7.G.8.G.9. G.10. G11. G.13	Отвечая на вопросы, разговаривая, пытаясь объяснить	9	40.9
G1.G.12. G.13	Иногда я пытаюсь сдерживаться, иногда я пытаюсь смягчить его, притворяясь	3	13,6
G.4 G.5. G11	Я стараюсь не быть слишком контролирующим, чтобы мой ребенок мог принимать собственные решения.	3	13.6
G.5 G2.	Я описываю, что может произойти при раннем половом акте.	2	9
G.5	помогаю материально	1	4,5
G.5	Я покупаю для сына презервативы и оставляю их в его комнатах	1	4,5
G.10	Я помог, дав информацию о том, что делать при менструации и половой гигиене.	1	4,5
G.10	Сообщая об изменениях в своем организме	1	4,5
Toplam		22	100

При изучении таблицы 2 большинство родителей (40,9%) заявили, что они помогают своим детям в подростковом возрасте, отвечая на их вопросы, разговаривая и пытаясь объяснить. «*Я嘗試ed помочь своему ребенку, разговаривая с ним о человеческой природе и отвечая на его/ее вопросы*» G.2. «*Я嘗試ed говорить, объяснять и слушать о проблеме, которая его беспокоила*» G.4. «*Когда он сказал, что чувствует себя одиноким и у него нет друзей, я嘗試ed утешить его, чтобы он выслушал и понял*» G.10. «*Мы разговариваем с дочерью каждый день, когда она приходит из школы, я каждый день спрашиваю, что происходит в школе, слушаю*» G.11.

Поскольку вторая по величине часть участников (13,6%) понимает особенности развития своих детей в подростковом возрасте, они иногда пытаются сдерживать себя, когда злятся, иногда стараются смягчить своих детей фальшивым поведением, а некоторые родители (13,6%) в той же степени побуждают своих детей-подростков принимать некоторые решения самостоятельно, за-

явили, что они пытались помочь своим детям, стараясь не слишком их контролировать, чтобы освободить своего ребенка. «*Я принимаю и отпускаю его, я хочу, чтобы он брал на себя ответственность за свои решения*» G.5. «*Я стараюсь не слишком контролировать своего ребенка, чтобы освободить его, я не пытаюсь заставить его что-то делать, я помогаю ему принимать собственные решения*» G.4.

Некоторые из участников заявили, что в подростковом возрасте (9%) что может случиться с их детьми, когда они вступают в половую связь в раннем возрасте, и (4,5%) они помогают своим детям, покупая материалы для защиты себя во время полового акта и оставляя их в их комнате. Установлено, что некоторые родители (4,5%) помогают своим детям материально, давая информацию о том, что делать при наступлении менструации, половой гигиене и изменениях в организме.

Третий вопрос исследования «Зачем необходимо половое воспитание детей в подростковом возрасте?» Анализ ответов участников на вопрос представлен в таблице 3.

Таблица 3:

Причины необходимости полового воспитания в подростковом возрасте.

Участники	Ответы	N	%
G.8. G1. G.6. G.10	Отсутствие половых контактов до брака	4	15,3
G.8. G5. G.10. G.13	Отсутствие детей до брака	4	15,3
G.7.G.9 G.10. G.13	Знание физиологических изменений	4	15,3
G4.G.7. G.13 G.10	Знание, что может случиться, если у него будет половой акт	3	11,5
G.8. G5.	ранний брак	2	7,6
G3. G.10	Знание, что его могут недобросовестно использовать в сексуальных целях, когда он употребляет алкоголь в чужой среде	2	7,6
G2.	Потому что это было время, когда у него была его первая любовь	1	3,8
G3.	Способность защитить себя при половой близости	1	3,8
G3.	Знание, что существуют различные половые заболевания	1	3,8
G5.	Понимание сексуальной жизни своих родителей	1	3,8
G.10	Знать свои пределы	1	3,8
Toplam		26	100

При изучении Таблицы 3 большинство участников заявили, что половое воспитание в подростковом возрасте нужно для того, чтобы (15,3%) не вступать в половую связь до брака и чтоб подросток не забеременела до брака. «Если у него нет полового воспитания, он может иметь половыe отношения, если у него есть половое воспитание, возможно, у него не будет половыe отношений» G.1. «Чтобы не ошибиться, не вступать в половую связь» G.6. «Чтобы она знала, что если она забеременеет раньше, это будет негативно воспринято обществом» G.10. «Если она вступит в половую связь до замужества и забеременеет, это большой позор для ее родителей» G.13.

Столько же участников заявили, что половое воспитание в подростковом возрасте (15,3%) необходимо для того, чтобы подростки знали свои физиологические особенности. «Знание физиологических особенностей» G.7. «Чтобы мальчики и девочки знали, как они развиваются, в каком возрасте девочки могут рожать, почему жен-

щины должны рожать, почему они не должны рожать» G.10. «Поскольку моя дочь родит после замужества, чтобы она знала свои физические особенности» G.9.

Часть участников констатировала, что половое воспитание в подростковом возрасте (7,6%) необходимо для того, чтобы не вступать в ранний брак, чтобы он знал, что опасно в чужой среде, когда он принимает алкоголь. «Чтобы не было раннего ребенка, чтобы он мог оценить свою молодость» G.5. «Чтобы он знал, что опасно в чужой среде, когда он принимает алкоголь» G.3.

По мнению некоторых участников, в подростковом возрасте (3,8%) половое воспитание необходимо для того, чтобы предохранять себя при половом сближении, знать, что необходимо использовать защитные материалы, знать, что существуют различные половые заболевания (3,8%), знать вред полового акта (3,8%).

Анализ ответов участников на четвертый вопрос исследования «Кто должен заниматься половым воспитанием?» приведен в таблице 4.

Таблица 4:

Кто должен проводить половое воспитание в подростковом возрасте?

Участники	Ответы	N	%
G1. G.6. G.7. G.9. G.12	Врачи в школе, специалисты	5	35,7
G2. G.8. G.13. G3. G4. G.5. G.9. G10. G11	Родители	5	35,7
Toplam		14	100

При изучении Таблицы 4 большинство участников (35,7%) заявили, что половое воспитание должно проводиться врачами и специалистами в школе в подростковом возрасте. «Даже если я не говорю, он это смотрит по телефону, я никогда не разговариваю с ребенком на эти темы, думаю школа должна давать такое образование» G.12. «Поскольку мой ребенок мальчик, мне трудно отвечать на его вопросы о некоторых его физических характеристиках, поэтому я хотел бы отправить своего ребенка к специалисту» G.7.

В то же время участники заявили, что половое воспитание должны давать родители в подростковом возрасте (35,7%). «Отец моего ребенка, мальчик, дает это образование» G.2. «Я стараюсь давать, потому что мой ребенок — девочка» G.8. «Посторонние люди могут дать моему ребенку ложную информацию об этом, поэтому я не должен давать половое воспитание» G.10.

Анализ ответов участников на пятый вопрос исследования «Какие темы, по вашему мнению, следует освещать в сексуальном воспитании?» приведен в таблице 5.

Таблица 5:

Какие предметы следует изучать в рамках полового воспитания в подростковом возрасте

Участники	Ответы	N	%
G.6. G.9. G11. G.13 G.5. G4. G2.	о деторождении и родах	7	13,4
G1. G2. G4. G.6. G.8. G11	сексуальная гигиена	6	12
G1. G2. G.6. G.10. G11. G.13	заболевания, передающиеся половым путем	6	12
G3. G.6. G.5. G.7. G.13.G4.	знание, с какими трудностями он может столкнуться, если вступит в половую связь в раннем возрасте	6	12
G.7. G.8. G.9. G.13.G.10	Знание, физическое развитие и изменения, которые произойдут в подростковом возрасте и не стыдится изменений	5	10
G2. G4. G.7. G.9	Общение с противоположным полом	4	8
G4. G.7. G3.	Умение говорить нет и знать свои пределы	3	6
G2. G.5. G4.	Знание использования защитных материалов	3	6
G2. G.8. G.9	Должна быть предоставлена информация о сексуальных домогательствах и о том, что делать в случае сексуальных домогательств	3	6
G.7. G11.G.13	Знать нормальное и ненормальное поведение в сексуальных вопросах в обществе	3	6
G.10. G11. G3.	Не быть одной в окружении с чужими мужчинами	3	6
G.6. G.13	Половой акт с любимым человеком	2	3,8
G.5	Отсутствие половых контактов до 18 лет	1	1,9
G.7	знание, о том что надо брать ответственность, когда есть половой акт.	1	1,9
Toplam		52	100

При изучении Таблицы 5 большинство участников заявили, что в подростковом возрасте следует проводить половое просвещение (13,4%) по вопросам контрацепции, половой гигиены (12%) и венерическим заболеваниям. «*Половое воспитание нужно давать о деторождении и родах*» G.6. «*Девочкам-подросткам опасно рожать в раннем возрасте*» G.5. «*Сексуальная гигиена, инфекционные болезни*» G.2.

Вторая по величине часть участников заявили, что половое воспитание в подростковом возрасте следует проводить (12%) о том с какими трудностями они могут столкнуться, если вступят в половую связь в раннем возрасте, (10%) не стыдиться физических изменений (8%) установление отношений с противоположным полом, самораскрытие. «*Они должны быть проинформированы о том, что нельзя вступать в половую связь в раннем возрасте и что некоторые мужчины могут потерять контроль, когда хотят заняться сексом*» G.3. «*Отказ от раннего полового акта*» G.6. «*Все время говорю дочери, чтобы она не стыдилась своей груди, это нормально*» G.10. «*Знать вред раннего полового акта, не стыдиться физических изменений, узнавать пределы, которые нельзя переходить в отношениях с противоположным полом*» G.7.

Некоторые из участников заявили, что половое воспитание в подростковом возрасте следует проводить на темы (6%) как использовать защитные материалы, о сексуальных домогательствах и о том, что делать в случае сексуальных домогательств, нормальное и ненормальное поведение в сексуальных вопросах в обществе. Такой же процент участников (6%) заявили, что девушкам не следует оставаться наедине с чужими мужчинами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ОБСУЖДЕНИЕ

В этом разделе представлены результаты, полученные в соответствии с выводами, полученными в результате анализа данных, собранных в соответствии с целью исследования, обсуждение этих результатов и предложения в соответствии с этими результатами.

Данное исследование было проведено с целью выявления семейных ролей в воспитании ребенка в подростковом возрасте.

Первый вопрос исследования «Какие изменения происходят в подростковом возрасте?» По результатам, полученным по ответам участников на вопрос; не хочет разговаривать и слушать родителей, делает то, что хочет, грубо отвечает на вопросы, не умеет контролировать свои эмоции, воспринимает себя как взрослого, заботится о том, что о нем думают друзья, четко выражает свои мысли и чувства в ситуациях когда ему не нравится, меняются его взгляды на жизнь, интересы. В других исследованиях напряжение, создаваемое гормональными изменениями, вызывает негатив в отношениях между родителями и подростками [8]. Подчеркивается, что между подростком и семьей возникают конфликты в результате вмешательства семьи в дружеские и романтические отношения подростков [9].

Второй вопрос исследования: «Как вы помогаете своему ребенку в подростковом возрасте?» был сделан вывод, что родители помогли своим детям подросткам; Отвечая на вопросы, разговаривая, пытаясь объяснить, стараясь не слишком контролировать чтобы ребенок был свободен в принятии собственных решений, рассказывая что может случиться, когда у него ранний половой акт, покупая

контрацептивы, предоставив информацию о половой гигиене и изменениях в своем теле.

Третий вопрос исследования «Зачем необходимо половое воспитание детей в подростковом возрасте?» По результатам данных, многие родители заявили, что половое воспитание подростков необходимо: Для того чтобы, половых контактов и ребенка до брака не было, знание физиологических изменений, знание того, что может случиться, если он вступает в половую связь, отсутствие раннего брака, знание того, что его могут использовать в сексуальных целях с плохими намерениями при употреблении алкоголя в незнакомом окружении, знание что существуют различные половые заболевания. В других исследованиях, родители заявили, что половое воспитание необходимо для того, чтобы правильно информировать своих детей и защищать их от жестокого обращения. Многие родители заявили, что половое воспитание детей необходимо для того, чтобы дети получали правильную информацию о своем сексуальном любопытстве и взрослой сексуальности [10]. Многие литературные исследования также показали, что родители считают половое воспитание необходимым, чтобы дети воспринимали половые различия и обретали сексуальную идентичность [11].

По результатам ответов участников на четвертый вопрос исследования «Кто должен заниматься половым воспитанием?»; Сделан вывод о том, что половое воспитание должны проводить специалисты и сами родители. Подобные результаты, подтверждающие этот вывод исследования, были найдены в литературе [10-12]. Эти данные в литературе подтверждают результаты нашего исследования.

Пятый вопрос исследования: «Как вы считаете, какие темы следует давать в половом воспитании?» Был сделан вывод о том, что следует проводить половое просвещение о желанной и осознанной беременности, половая гигиена, венерические заболевания, с какими трудностями подросток может столкнуться, если вступит в половую связь в раннем возрасте, налаживание отношений с противоположным полом, раскрытие себя, умение пользоваться защитными материалами, был сделан вывод о том, что следует проводить половое просвещение о сексуальных домогательствах и о том, что делать в случае сексуальных домогательств, а также не вступать в половую связь до 18 лет. В других исследованиях родители, которые говорят со своими детьми о сексуальных вопросах, в первую очередь говорят о физических различиях между полами, чистоте в интимных зонах, беременности и родах, а также сексуальном насилии [11-13].

References

1. Kılıç C. E. An Investigation of the Relationship Between Parents and Adolescent Relationships and Family Functions in terms of School Social Work, Ankara Yıldırım Beyazıt University Institute of Health Sciences (PhD Thesis). 2018. Ankara.
2. Çalış, N. Reflections of Family Relationships of Students in Adolescence to School Life and School Social Work, Hacettepe University Institute of Social Sciences, Department of Social Work (PhD Thesis). 2019. Ankara.
3. Updegraff KA, McHale SM, Crouter AC, Kupanoff K. Peer relationships: in adolescents' parents' development roles and fathers' a comparison of mothers'. Fam Relat., 2001, 63(3):655-668.
4. Uludağlı NP, Sayıl M. Risk-taking behavior in middle and advanced adolescence: the role of parents and peers. Turkish Journal of Psychology 2009; 12 (23): 14-24.
5. Braverman PK, Strasburger VC. Sexually transmitted diseases. Clin Pediatr (Phila) 1994;33:26-37.
6. Tekgül N., Saltık, D., Tuncer Ö. The importance of sexual health education in increasing the responsibilities of adolescents. Tepecik Egit Patient Journal, 2014, 24 (3).
7. Yelken Z. Child's sexual education. Mom How Was I Born? 1996; Istanbul Morpa Culture Publications, 2nd Edition.
8. Steinberg L. Adolescence. Translation: Very F, Puberty. 2nd Edition. Ankara: İmge Bookstore; 2013.
9. Aybak, T., İpek, M. Problems experienced by parents of adolescents, Aydin Health Journal, 2021. P 2, 141 – 165
10. İşler, S. , Gürşimşek, AI. Examination of parents' views on the necessity of sexual education of children aged 3-6. Gazi university veteran education faculty journal, 2018, 38(3). 845-867
11. Ceylan, Ç., Çetin, A. Examination of parental views on sexual education of children attending pre-school education institutions. H. U. Journal of the Faculty of Health Sciences, 2015, 2(3), 41-59.
12. Larsson, I. and Svedin, C.G. Teachers' and parents' reports on 3- to 6-year-old children's sexual behavior-a comparison. Child Abuse & Neglect, 2002, 26(39), 247– 266.
13. Eli Küçük, A. Sönmez, S. Examination of parental views on sexual development and education of 6-year-old children. Family and Society: Journal of Education, Culture and Research, 2011, 7(25), 45-62

SOCIAL SCIENCES

A PERSON IN NEED: FROM ROMAN SOCIETY TILL NOWADAYS

Firsov M.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Dean for Science of Psychology Faculty, Russian State Social University, Moscow

Chernikova A.

junior researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Abstract

The paper gives a review on a person in need from roman society till nowadays.

Keywords: social work, helping philosophy, paradigmatic changes, philanthropy, assistance, help.

Foreign scientists, comprehending the problem of disability in antiquity, found that the Romans did not have a special term, and in relation to people with disabilities, the most common term was "ostentum", a monster.

This attitude towards people with disabilities was determined by various factors.

On the one hand, the attitude towards people with disabilities was associated with archaic models of the reproduction of the cycles of human life, with the obligatory forms of life: education, training, inclusion in the community, creating a family. At each stage of "archaic socialization" the Gods contributed to the realization of a person's life scenario.

In the event that a non-normative scenario was implemented at the phase of birth, training, professionalization, etc., it was believed that the Gods turned away from man and he became flawed. Stereotypes of social reactions to these manifestations were consolidated, which was reflected in the linguistic consciousness. Specific concepts were formed that "fixed" non-normative manifestations, which in this case was associated with disability.

On the other hand, according to foreign scientists, for example, the American sociologist G. Grasl, "the dissimilarity of stereotypes" formed certain fears that arose in people who, at the level of their life practice, could not explain the "unexpected" appearance in their clan or community of people with physical, communication, sensory and / or mental characteristics. They also contributed to the consolidation of stereotypes of the manifestation of "not the norm", from which they tried to get rid of in everyday life by radical measures.

Among other things, the problems of the nature of disability, as in Ancient Greece, were interpreted by the philosophers of Rome, such as Lucretius, Cicero and other thinkers.

The Roman writer and philosopher Lucretius, from the standpoint of the atomic doctrine, which he took from Epicurus, tried to explain the nature of disability. In particular, he believed that if atoms are in motion, then the natural world, consisting of them, is subject to change, and it can turn into its opposite forms.

Projecting these approaches onto humans, Lucretius Carus believed that a person may have unusual ap-

pearance or limbs as a result of birth. This was a manifestation of natural factors that led to the appearance of monsters (monstrum), creatures born with various birth defects: no arms, no legs, blind, dumb, etc. Starting from the concepts of conformity to nature, Lucretius considered the appearance of these defects as a measure of restraint, restrictions, which does not allow monsters to "reproduce a new race of people."

Cicero saw disability, "congenital ugliness," a natural, not supernatural, phenomenon. The birth of a child with defects, from his point of view, was not any sign, the cause of congenital deformity is in the very nature of man. Moreover, it was impossible to look for a connection between the "harbingers" of congenital disability and heavenly bodies. People, the philosopher believed, can correct birth defects, an example of this, from his point of view, was Demosthenes, who corrected his defect in stuttering, speech disorders, and became an outstanding orator.

Despite the fact that objective ideas about the nature of human disability were formed in Roman society, social practice was cruel towards them, they were treated as "wild beasts", especially if they were slaves.

As the researchers write, even such a humane jurist as Publius Celsus, who considers "law as the art of good and just deeds," advocated that people with mental health problems, for example, be kept on a "chain, a half-starved diet" "Terror and torture as excellent therapeutic agents." As contemporaries testify, Roman slaves with mental disabilities were subjected to death.

At the same time, along with in Roman society, there were other examples. So during this period, among the ancient doctors, the first healers appeared who provided support to people with mental health problems, such was the doctor Asclepiades from Bithynia (120-56 BC), who worked in Rome. Asclepiades not only contained them, but also provided social and medical assistance, which was a certain "technology", including diet, massage, as well as various "regimes", which included accessible work in the air, singing, the use of music, physical exercise, and even small doses of wine. In almost two thousand years, these principles and approaches will form the basis of humanistic psychiatry in Europe and Russia.

It can be observed that even from the legislative practice of care, the laws of the XII tables, persons with

mental limitations were singled out in a separate category, and care for them is not only at this time, but also subsequently transferred to relatives. Relatives not only had to take care of the property, but also the sick person himself.

The laws of Justinian subsequently determined the exercise of control by the authorities over these people, for which a public trustee was selected to perform the functions of overseeing the property and life of a person. The decree on guardianship was taken by the magistrate, but before the decision was made, an examination was appointed, it was believed that "consciousness returns to the madman" and they may be fully capable.

In addition to legislative practice, in society, at the government level, certain mechanisms of assistance to people with disabilities were gradually formed. So Alexander Sever had to deal with "fate", disabled artists, "male and female dwarfs" and "fools" that he inherited from the previous emperor, showing generosity to them, realizing that they would not survive in society on their own, he separated them in the "form of a separate community" with the appointment of funding.

"SHIFT" OF THE ASSISTANT ARCHETYPICAL PLATFORM 0.0: HISTORICAL TRENDS IN THE CONTEXT OF SYSTEM PROCESSES

The archetypal platform, which gave impetus to the development of both the subsequent help platform 1.0 and various models of help, including professional, tended not only to development, but also to destruction.

And before turning to the design of platform 1.0 and support models For a person in need of help at a new historical stage, let us designate the main reasons and factors that led to a "paradigm shift", as T. Kuhn would say, to a change in the platform of archetypal support, by comprehending its transformation in the context of multilevel analysis.

Megaprocesses that influenced the design of the sociopathogenic platform

The most important factors in the change in the archetypal help platform 0.0 and support models were global changes in historical processes, to which we can attribute:

- destruction of ancient civilization,
- migration processes,
- Christianization of the population of different countries.

Destruction of ancient civilization

Disputes over the reasons for the destruction of ancient civilization do not subside to the present day, and there are a fairly large number of versions, each of which has its own arguments and grounds explaining the fall of civilization.

So, for example, the economic version of the destruction of ancient civilization is associated with the works of the German philosopher and economist K. Marx, who suggested the emerging contradictions be-

tween the basis, the slave economy, and the superstructure, production relations that collide, which leads to the replacement of one system others.

An equally complex approach, explaining the "fall of civilizations", was proposed by the Russian historian L. Gumilev, who considered the life cycles of ethnic groups, headed by passionaries, the most active members of society, who, by their actions, change the existing social environment, despite environmental resistance, which leads to a change in the course of history. Their departure from the historical stage is associated with the stages of civilizational decline and the coming to power of sub-passionaries who cannot hold on to power, which leads to the destruction of civilization as a whole, which was observed in the ancient period of history.

More moderate approaches, proposed by historians on the basis of many vector reasons, focus on the various cycles of events that ultimately led to the destruction of ancient civilization.

First, the civil wars that lasted for centuries in the territories of Greece and Rome, they undermined the economic and human resources of these countries, weakened the ability of states to resist the external expansion of nomadic peoples, who gradually not only conquered territories, but settled on the occupied lands.

Secondly, in this historical period, there is an increase in the tendencies of the organization of "non-Roman Europe", which, according to G. Manswelli, acquired its needs and interests over time and became stronger in its territories, in situations of weakening of the influence of Roman civilization.

Thirdly, the search for an optimal management system, "antique managerialism", namely, changing the traditional system of government of the empire, based on the vertical of power, and replacing it with a radical, "tetrarchical system of government" proposed by Emperor Diocletian, required additional economic costs and political unrest., which could no longer be carried by the state, which contributed, among other things, to the fall of the Roman state.

Migration processes

The great migration of peoples, migration processes, played a role in the destruction of ancient civilization. Here, as in the previous approach, there is a fairly large number of versions.

The first group of versions is associated with the fact that the ancient civilization, due to the fact that it used the labor of slaves, who for the most part were migrants, included them in production activities, within the framework of their culture for many centuries, which could not but influence the transformation ancient civilization. American anthropologists K. Killgroff and J. Montgomery, on the basis of bioarcheological approaches, prove this version of transformations based on migration flows.

The widespread version of the influence of migration flows on the fall of the empire is associated with the "theory of Welkerwanderrunge", which is most widespread in Western historiography. Germanic tribes who migrated from the north and east to the territory of the Roman Empire, their settlements, the use of territorial resources in their own interests, led to the decline

of the Roman Empire, which led to the "decline of ancient civilization", as shown in the studies of the German historian F. Wiedemann.

The English historian N. Davis believed that migration processes have more complex reasons influencing the "migration of peoples" here and the climate, and the availability of food, and local conflicts, and even climate change, and not just the seizure of territories by "barbarian tribes".

According to the historian, the policy of Rome, until the final decline of the empire, was associated with the assimilation of the barbarians, and even after the loss of the importance of Rome as a political subject in 476, this policy continued for another thousand years, influencing the processes of assimilation of the tribes of barbarians within the framework of the state formation of the "Holy Roman empire of the Middle Ages", the German nation. According to the historian, five waves of migration will finally "reformat" civilization processes: the Vikings, Magyars, Mongols, Moors and Turks, will finally "form the ethnic map of Europe" that exists to the present day.

Christianization of the population of the Roman Empire, and then of Europe, played a role in the development of centrifugal processes of destruction of ancient civilization. Initially, Christianity, in accordance with the Edict of Milan of 313, was equalized in rights with other religions. Since the reign of Emperor Constantine in 330, Christianity has been formalized as a state religion, and in 380 by the edict of Emperor Theodosius, Catholicism officially becomes the state religion of the empire.

Despite the fact that Christianity is accepted by various European peoples, for example, in 597 the beginning of the Christian mission in England, in 607 the King of the Lombards Agilulf converted to Christianity, 719-754 Christianization covers the territory of Germany, nevertheless, one cannot say that that the official religion contributed to the unification of peoples.

According to researchers, the edict of Emperor Theodosius essentially led to the fact that conversion to faith "became a matter of politics," as N. Davis wrote about it, since believers were faced with the question "where to import Christianity from," from Constantinople or Rome. Nevertheless, according to the researchers, Christianity contributed to a change in the pagan consciousness of the population of the Roman Empire, introducing into it new ideas about the world and the fate of man.

The Christianization of peoples also contributed to the shift in the paradigm of aid in the context of civilizational processes. The legalization of Christianity gave impetus to the development of the Christian model of charity, both ideologically and institutionally. Cappadocian thinkers such as Basil the Great, Gregory the Theologian, and Gregory of Nyssa contributed to the understanding of mercy and "sickness."

The needy was recognized not from the standpoint of his freedoms and citizenship, but the right to help, but as a "creation of God." Hence the ethical position of the person providing assistance and his perception of

the "difficult life situation" of the needy, is comprehended in the context of Christ's sacrificial love for all mankind. This principle was formulated by John Chrysostom: "It was for man that the Son of God became man. My Lord gave his life for a person, who am I to despise any person? " ...

But if at the level of the philosophy of help this maxim was absolutized, then at the level of practice in the medical model the subject of help acted as a shepherd, guarding and leading.

Christian discourses of help and support for a person in need of help were built on fundamentally different approaches, not on patron-client relations, which had exhausted themselves in the new socio-historical conditions, but on the basis of medical approaches that were given impetus as a result of the legalization of Christianity. The individual interactions "patron-client", a helping subject in the relationship, "aristocrat" - "free man", or "rich man" - "freedman" are replaced by a professional who combines not intentions, but competencies, a physician, the one who heals the body, and the shepherd who heals the soul.

The Christian medical practice of assistance is replacing the previous blood-related and community forms of support, which are no longer possible to implement in the face of new socio-economic and political challenges. Christianity declares itself not only with a new ideology, but also with new forms of institutional support, which was not known and was available to the mass consumer of the crumbling social services. Christianity declares itself not only with new institutions, such as hospitals, shelters for the weak, the elderly, children, lepers, but also the subjects of help, who become priests-doctors [1].

As historians note, the first priests were not only pastors, but also doctors, whose profession was not particularly appreciated in society, like any work in imperial Rome, when the Christian paradigm of aid was born. Nevertheless, the design of the medical model of care took place in the context of the further development of medical knowledge laid down by Hippocrates, picked up by Galen in the understanding of pathology, physiology, and neurology, not only in medical corporations, but also by priests-doctors in Christian communities.

All these basic processes at the level of civilizational megaprocesses have transformed the archetypal 0.0 help platform.

References

1. Aman A-G., Daily life of the first Christians. 95-197 / Per. from fr. and foreword by V.D. Balkin. - M. Mol. guard, 2003. - 322 p.
2. Firsov M.V., Karpunina A.V., Chernikova A.A., Dontsov D.A., Dontsova M.V., Senkevich L.V. Social Work in Russia in the Context of Paradigm Changes Laplage Em Revista. 2021. T. 7. № 3B. p. 381-388
3. Firsov M., Chernikova A Russian Encapsulation Model In The Historical Context The Scientific Heritage. 2021. № 65-4 (65). p. 66-69.

TECHNICAL SCIENCES

COMPARATIVE ANALYSIS OF TECHNOLOGICAL PROCESSES AND STABILITY OF THERMAL TRANSFER PRINTING METHOD IMPRESSIONS

Ulzutueva T.

Candidate of Technical Sciences

East-Siberian state university of technology and management
670013, Russia, Ulan-Ude, Klyuchevskay, 40V

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И УСТОЙЧИВОСТИ ОТТИСКОВ ТЕРМОТРАНСФЕРНОГО СПОСОБА ПЕЧАТИ

Ульзутуева Т.В.

Кандидат технических наук

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
670013, Россия, г. Улан-Удэ, Ключевская 40В

Abstract

The article presents a comparative analysis of the technological process of the thermal transfer method of printing using transfer paper and transfer film. The results of stability tests of the obtained impressions are presented.

Annotation

В статье рассмотрен сравнительный анализ технологического процесса термотрансферного способа печати с применением трансферной бумаги и трансферной пленки. Представлены результаты испытаний устойчивости полученных оттисков.

Keywords: thermal transfer printing, transfer paper, transfer film, fabric, thermal transfer, thermal press, stability of impressions.

Ключевые слова: термотрансферная печать, трансферная бумага, трансферная пленка, ткань, термопресс, термопресс, устойчивость оттисков.

Технологии печати на ткани постоянно развиваются и совершенствуются. Многие фирмы и компании поняли эффективность рекламы с помощью одежды с логотипом. Распространенным способом печати в текстильной и швейной промышленности является термотрансферная печать, обеспечивающая возможность имитации различных фактур, вплоть до вышивки глиттерными и светоотражающими красками, пленками, красками со стразами, голографическими пленками и т. п.

Термотрансферная печать (древнегреч. термо — горячий, англ. transfer — перенос, перемещение, перевод) — способ передачи изображения на различные поверхности при кратковременном воздействии температур от 120 до 190 °C [2]. Изображение наносится на специальную бумагу или пленку, а затем при помощи термопресса переносится на декорируемую поверхность. Декорируемая поверхность должна выдерживать высокие температуры от 5°C до 30°C.

В данной работе представлен сравнительный анализ технологического процесса термотрансферного способа печати с использованием бумаги и пленки, а также испытания устойчивости полученных оттисков. Основным компонентом термотрансферной технологии является специальная трансферная бумага или трансферная пленка, которая служит промежуточным носителем изображения. Технологический процесс термотрансферного способа печати с использованием бумаги и с использованием пленки имеют отличия, которые описаны в данной работе. Печать для термотрансфера с использованием бумаги производят на фотопринтере с использованием термотрансферной бумаги для светлой или темной ткани. Если ткань для термотрансфера выбрана светлая, то изображение печатается в зеркальном отображении (рисунок 1 а, б), если темная, то изображение печатается в обычном отображении (рисунок 2 а, б).

Рисунок 1 (а, б): а – Печать на термотрансферной бумаге для светлых тканей;
б – Обратная сторона печати

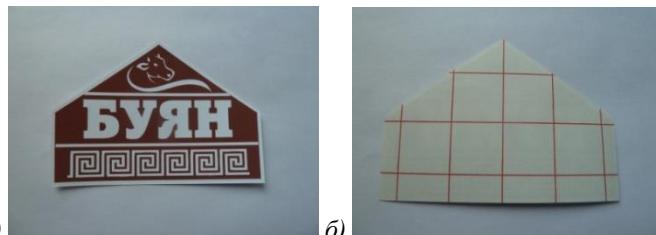

Рисунок 2 (а, б): а - Печать на термотрансферной бумаге для темных тканей;
б – Обратная сторона печати

Для светлых тканей изображение не отделяется от защитного слоя бумаги и ложится лицом к лицевой стороне изделия (рисунок 3).

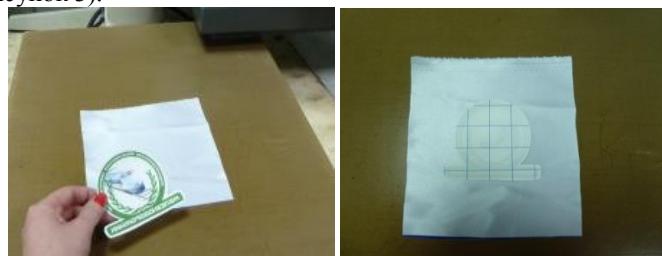

Рисунок 3 – Расположение термотрансферной бумаги на светлой ткани

Для темных тканей изображение отделяется от защитного слоя бумаги и прикладывается изображением вверх. Для того, чтобы краска прикрепилась к изделию, а не осталась на термопрессе, изображение

сверху накрывается любой чистой бумагой (рисунок 4). После того, как изображение перенесено на изделие снимается защитная бумага.

Рисунок 4 – Расположение термотрансферной бумаги на темной ткани

Термотрансферная печать с использованием пленки подходит к печати небольшими тиражами (от 1 до 50), несложного текста с простым изображением, а чаще без него, размером не более А4-формата, практически на любой ткани. Печать производится по пленке необходимого цвета на специализированном режущем плоттере. На данном плоттере печать производится не красками, а специальным ножом . Нож прорезает заданное изображение на верхней части пленки так, чтобы подложка оставалась непрорезанной. Изображение печатается в зеркальном отображении. При переносе печати на изделие, готовую пленку с изображением кладут

подложкой вверх. Сверху кладут любую чистую бумагу (рисунок 5 а, б).

Термоперенос позволяет получить красочное, четкое, мелко детализированное изображение. Качество термопереноса зависит от равномерности давления в термопрессе, температуры и времени выдержки изделия под нагревом. При строгом соблюдении этих параметров получается отличный результат.

Для определения устойчивости оттисков были испытаны следующие образцы запечатанных материалов по ГОСТ 9733.0-83 (разд. 3) [1]: искусственный шелк с термотрансферным способом печати с

использованием пленки; атлас с термотрансферным способом печати с использованием бумаги.

Рисунок 5 (а, б): а – Пленка с изображением; б – Термоперенос с помощью пленки

Результаты проведенного опыта показали, что ручную стирку при температуре 60°C выдержали все испытуемые образцы оттисков, машинную стирку

при температуре 60°C выдержал образец с термотрансферной пленкой (рисунок 6), а образец с полноцветным термотрансфером повредился (рисунок 7).

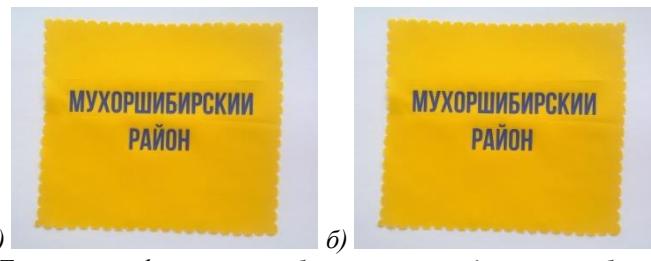

Рисунок 6 – Термотрансферный способ с пленкой: а – до стирки; б - после стирки

Рисунок 7 – Полноцветный трансфер с бумагой: а – до стирки; б – после стирки

Следовательно, оценки распределились следующим образом: термотрансфер с пленкой – 5 баллов, а полноцветный термотрансфер с бумагой – 2 балла. Полноцветный термотрансферный способ печати не устойчив к машинной стирке. Изображение стирается на загибах ткани, цвет изображения становится менее ярким.

References:

1. GOST 9733.0-83 Textile materials. General requirements for test methods for the resistance of colors to physical and chemical influences. Introduced since 1986.
2. Nakhratov V.V. Development of technology for printing textile materials with polyvinyl chloride film coating with aqueous pigment compositions: dis. cand. tech. Sciences: 05.19.02. SPb., 2005. - 160 p.

**Deutsche internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft**

...
Nº28 2022

Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft ist eine internationale Fachzeitschrift in deutscher, englischer und russischer Sprache.

Periodizität: 24 Ausgaben pro Jahr
Format - A4
Alle Artikel werden überprüft.
Freier Zugang zur elektronischen Version des Journals

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Mirosław Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Eleonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

**German International Journal
of Modern Science**

...
Nº28 2022

German International Journal of Modern Science is an international, German/English/Russian/Ukrainian language, peer-reviewed journal.

Periodicity: 24 issues per year
Format - A4
All articles are reviewed.
Free access to the electronic version of journal.

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Mirosław Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Eleonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

Artmedia24

Anschrift: Industriestraße 8,74589 Satteldorf Deutschland.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Chefredakteur: Reinhardt Roth

Druck: Einzelfirma Artmedia24, Industriestraße 8,74589 Satteldorf Deutschland

Artmedia24

Address: Industriestrasse 8,74589 Satteldorf Germany.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Editor in chief: Reinhardt Roth

Printing: Artmedia24, Industriestrasse 8,74589 Satteldorf Germany.

Die Hersteller der Zeitschrift sind nicht verantwortlich für die in der Zeitschrift veröffentlichten Materialien.

Die Autoren sind für die Richtigkeit der im Artikel enthaltenen Informationen verantwortlich. Die Meinung der Hersteller spielt möglicherweise nicht die Ansichten des Autoren wieder.

Bei Nachdruck ist ein Verweis auf der Zeitschrift erforderlich. Materialien werden in der Ausgabe des Autoren veröffentlicht.

Editorial board of journal is not responsible for the materials published there.

Authors are responsible for the accuracy of articles contained information.

Opinion of editorial board may not coincide with the opinion of authors published materials.

In case of materials reprinting - link to journal is required.

Materials are publishing in native author's edition.

ISSN (Print) 2701-8369

ISSN (Online) 2701-8377

Edition: № 28/2022 (January) – 28th

Passed in press in February 2022

Printed in February, 2022

Printing: Artmedia 24, Industriestrasse 8,
74589 Satteldorf, Germany.

The logo for Artmedia24 features the word "artmedia" in a lowercase, sans-serif font. The letters "art" are colored green, while "media" is gray. A small superscript "24" is positioned above the letter "d" in "media".

© Artmedia24

© Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft / German International Journal of Modern Science

